

18+

Артем Письменный

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ДОРОГА

Моя история

Артем Письменный

**Там, где кончается
дорога. Моя история**

«Издательские решения»

Письменный А.

Там, где кончается дорога. Моя история / А. Письменный —
«Издательские решения»,

Моя книга — это не просто история одного человека, это призыв задуматься о том, как важно сохранять внутреннюю силу и мудрость в любой ситуации. Мы не можем контролировать всё вокруг, но можем управлять своим отношением к происходящему. Убеждён, моя книга поможет найти силы и уверенность в действиях, независимо от обстоятельств

Содержание

Предисловие	6
ГЛАВА 1	7
Утро изменившее все	7
ГЛАВА 2	17
Испытания обыском на работе	17
ГЛАВА 3	33
О чем ты думаешь	33
ГЛАВА 4	38
Знакомство с нужными людьми	38
Глава 5	41
Шаг назад	41
ГЛАВА 6	49
Московский гость	49
ГЛАВА 7	53
Обвинение и разочарование	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Там, где кончается дорога Моя история

Артем Письменный

Корректор Анастасия Письменная

© Артем Письменный, 2026

ISBN 978-5-0070-6256-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга — реальная история, в основу которой положены мои переживания на фоне событий, сжимавшихся кольцом на шее, медленно отрезая меня от привычной и такой дорогой жизни. Понимание того, что от моих усилий уже ничего не зависит, резало изнутри острыми краями камня, сдавливающего грудь. Спасало лишь одно — то, что оставалось в моей власти: изменить отношение к происходящему. Это не давало впасть в отчаяние и потерять веру. Но, увы, такое осознание пришло не сразу. Далеко не сразу.

Вторая, не менее важная цель — рассказать, как главный герой против воли был переброшен с одной стороны баррикад на другую.

Вчера ты — рука закона, сегодня — на скамье подсудимых и в полной мере на себе ощущаешь вкус не такой уж и слепой Фемиды. Осознаёшь всю глубину её, так называемой, беспристрастности. И насколько беззащитен ты, когда система оборачивается против тебя.

Это история о боли: о разладе в семье, внутреннем расколе, потере себя, о мести и, конечно, о предательстве.

И наконец — о том, чего никогда бы не случилось без тех, кто был рядом и шёл по этому ухабистому пути плечом к плечу: о поисках ответа на вопрос «зачем мне эти испытания?», о попытках найти выход и — самое трудное — о принятии произошедшего.

Вам знакомо чувство, когда земля уходит из-под ног? Тогда эта книга — ваш спутник. Не потому, что в ней есть ответы на все вопросы, а потому, что в ней есть то, без чего невозможно ступить на новую дорогу, расставить приоритеты, научиться радоваться и любить себя.

ГЛАВА 1

Утро изменившее все

Просыпаюсь от нежной, едва уловимой мелодии будильника — тихой, как шёпот, чтобы не разбудить супругу. Она допоздна укачивала нашего малыша, и теперь её сон хрупок, как утренний туман. А его сон — важнее всего. Пусть спит, пусть отдыхает.

За окном — разгар лета, и солнце уже заливает квартиру золотым светом, пробираясь сквозь шторы, играя на полу, на столе, на чашке, оставленной с вечера. Воздух тёплый, наполненный тишиной и покоем. Кажется, сам мир замер в этом утре, таком мирном и безмятежном.

Но это — только начало.

Меня ждал день, как всегда, недобрый — бесконечные служебные разборки, тонны бумаг, сотрудники с вечными жалобами и проблемами, которые уже набили оскомину. Опять одно и то же, опять по кругу.

Сажу за столом, жду звонка водителя. Он всегда предупреждает, когда подъезжает к моему дому. Телефон задрожал в кармане — это он. Пора в пучину событий.

Но есть одна отрада: пока мы едем по городу, можно послушать музыку. Женя отлично знал мой вкус, да и ему, кажется, нравился тот же репертуар, что и мне. Хотя бы эти полчаса в дороге — мой маленький островок свободы в море предсказуемого хаоса.

С лёгким, почти неуловимым воодушевлением вышел из квартиры. Дверь закрылась тихо — чтобы не разбудить тех, кому ещё можно спать. А мне — вперёд, в водоворот дня.

Возле лифта меня встретил молодой человек. Его лицо было мне совершенно незнакомо — ни одной запоминающейся черты, ни одного знакомого жеста. Он стоял, слегка сутулясь, в темной, выцветшей куртке, которая словно впитала в себя все пыльные углы нашего подъезда. Его зеленоватые брюки, когда-то, наверное, имевшие презентабельный вид, теперь висели мешковато, без намёка на стрелки. Особенно бросились в глаза его ботинки — поношенные, со стёртыми носками, будто он долго и бесцельно бродил по городу перед тем, как оказаться здесь.

Мы машинально поздоровались, и в этот момент я почувствовал лёгкий холодок вдоль позвоночника. Его голос прозвучал неожиданно мягко, почти интеллигентно, контрастируя с обликом.

— Артём Николаевич? — начал он, и его пальцы нервно перебирали какую-то невидимую нить на рукаве куртки.

Фраза повисла в воздухе, и я заметил, как его взгляд на мгновение скользнул куда-то за мою спину, к двери моей квартиры. В подъезде вдруг стало тихо — даже привычный гул лифта затих, будто затаив дыхание вместе со мной.:

— Да, — ответил я.

— Прошу вас оставаться на месте и не делать резких движений.

После этого он предъявил удостоверение сотрудника ФСБ. Я, насколько это возможно в состоянии, когда стресс начинает стучать в дверь твоего сознания, прочитал содержимое документа.

— Вижу. Что дальше? — спросил я.

— Одну секунду, — ответил он, повернулся к двери, ведущей на общий балкон, и громко сказал:

— Выходите, можно начинать!

Пластиковая дверь с матовым стеклом дрогнула, и по её поверхности пробежала лёгкая рябь, словно поверхность воды, в которую бросили камень. Я замер, чувствуя, как сердце начинает биться чаще — глухие удары отдавались в висках, сливаясь с тиканьем часов в подъезде.

Кто сейчас появится? Знакомые лица? Или чужие, холодные взгляды, полные скрытых намерений? Ладонь непроизвольно сжалась в кулак. Если это они — что я скажу? Как объяснюсь? Может, среди них найдётся тот, кто вспомнит прошлое, пожалеет, протянет руку?

Но разум тут же оборвал эту слабую надежду. Нет, не за помощью они пришли. Не за словами.

Дверь приоткрылась, и в щели мелькнула тень. Ещё мгновение — и всё станет ясно. Воздух стал густым, тяжёлым, будто перед грозой. Я сделал шаг назад, инстинктивно ища опору за спиной.

Сейчас всё начнётся. «Так, надо собраться и подготовиться к худшему, — подумал я. — Сейчас будут давать документы на ознакомление, ну не беседовать же... Для этого могли бы и пригласить по телефону. Значит, не так всё хорошо».

Дверь полностью распахнулась, и в коридор вошёл важный, с серьёзным лицом молодой человек: «Этот мне незнаком. Впервые вижу, — подумал я. — Он больше похож на следователя. Это плохо, это очень плохо».

Далее, в проеме возник второй человек. Его лицо озаряла легкая, почти дружелюбная улыбка — та, что бывает у терпеливого охотника, когда добыча наконец попадает в поле зрения. Он явно ждал этого момента, отсчитывая минуты, пока я выйду из квартиры. И вот — момент настал. В его приветливом взгляде читалось странное удовольствие: он пришел не как подчиненный к начальнику, а как палач к приговоренному, тщательно скрывая торжество под матерчатой вежливостью.

А затем шагнул вперед третий. Я узнал его сразу — оперативник, с которым не раз пересекался по службе. Наши взгляды встретились, и в его глазах читалась не радость, а холодное, методичное удовлетворение. То самое, что появляется у человека, который месяцами вел разработку, собирал улики, подшивал в дело каждую бумажку, терпел окрики начальства, требовавшего результатов.

Представьте себе это состояние: ты — следователь или оперативник, который долго и кропотливо собирал пазл. Ты знаешь каждую деталь биографии своего объекта, каждую его слабость, каждый неосторожный шаг. Ты жил этим делом, спал с ним, просыпался с мыслями о нем. И вот наступает момент истины: уголовное дело возбуждено, санкция на обыск получена, все уже в готовности.

И когда ты наконец видишь перед собой того самого человека — того, чьи телефонные разговоры ты знаешь наизусть, чьи перемещения отслеживал по карте, — в этот миг испытываешь не злорадство, не ярость, а странную, почти физиологическую эйфорию. Это как выдох после долгой задержки дыхания. Как всплеск адреналина в момент, когда цель на мушке.

Мурашки бегут по спине, живот сжимается в приятном спазме, а в голове — ясность и легкость. Ты не смеешься, не упиваешься его страхом. Ты просто чувствуешь, что всё было не зря. Что система сработала. Что ты — на своей стороне, а он — на проигравшей.

Именно поэтому глаза моего коллеги горели таким знакомым, леденящим блеском. Он ненавидел меня. Он наслаждался моментом — тем самым, ради которого и идет эта игра.

А я стоял перед ними, понимая, что теперь уже не начальник. Не тот, кто подписывает приказы и раздает указания. Теперь я — часть дела. Часть протокола. Часть системы, которая только что перемолола меня своими шестеренками.

Игра началась. И моя очередь ходить — закончилась. «Вот неудача, — подумал я. — Это что, он зайдёт в мой дом без моего согласия и будет рыться в моих вещах? Вот же мерзко. Да, нехорошо как-то всё складывается. Неприятно».

— Привет, Артём Николаевич, — знакомый оперативник протянул мне руку для пожатия.

Он смотрел на меня всё теми же блестящими глазами. Такое впечатление, что свет всех лампочек подъезда в этот миг падал именно на его зрачки. Мысли танцевали в голове от долгожданного триумфа: «Ну вот мы и встретились. Теперь ты не отвертишься. Как же долго я этого ждал», — думал он, расплываясь в улыбке и обнажая свои плохо очищенные зубы.

— Доброе утро, Стас Геннадьевич, — протягивая в ответ свою руку, ответил я.

— Не думаю, что оно такое. У тебя такого утра ещё никогда не было.

— Это верно, не думал и не гадал. А что, другого способа не было со мной поговорить? Надо сразу так и с силой?

— Да, это перестраховка, чтобы ты не смог выкрутиться.

— Да ладно, — с улыбкой сказал я, — от вас разве можно скрыться? Вы такая организация, с которой тягаться себе дороже.

— Дороже, — согласился он.

В наш разговор вмешался следователь:

— Так, послушайте меня. Артём Николаевич, вот постановление о проведении обыска в квартире. Ознакомьтесь и распишитесь.

— Обыск? Какой ещё обыск, зачем? — спросил я.

Эта фраза вырвалась из моих уст неосознанно, на автомате. Как защитная реакция, когда не знаешь, что делать и как поступить. Обычно наш организм реагирует в подобных ситуациях как ребёнок, который в силу своего возраста многого не знает и в результате задаёт глупые вопросы.

Все на меня посмотрели странным взглядом. В их глазах читалось: «Какие вопросы он задаёт? Он действительно не понимает, что тут происходит и зачем мы все здесь собрались? Это тот, кто проработал в органах почти двадцать лет? Смешной он какой-то».

От понимания всего этого мне стало немного не по себе:

«Вот это сморозил? — подумал я. — Как-то глупо выгляжу. Стою тут весь такой в костюме и белой рубашке, напыщенный начальник, а таких простых вещей и не знаю. Точнее, знаю, но своими вопросами показал обратное. Ладно. Не это сейчас должно быть важным. Пусть думают, что хотят. Главное — этих ребят не злить. По себе знаю: когда начинают потопому противодействовать — задавать глупые вопросы, которые затягивают процесс, отказываются открывать дверь, читать и подписывать предъявленное постановление, — то хочется этому товарищу заломать руки, застегнуть наручники и положить лицом в пол. А после вызвать представителя управляющей компании, двоих соседей, взять болгарку в руки и громко открыть дверь. Хамски зайти в квартиру и провести обыск так, что после этого придется делать ремонт, включая поклейку новых обоев. Мне допускать к себе такого отношения нельзя».

— Вы читайте бумагу, там всё написано, — сказал незнакомый мне оперативник, который стоял ближе всех к двери моей квартиры.

— Да не волнуйтесь вы так, Артём Николаевич. Вы же всё понимаете, — вмешался следователь.

— Всё понимаете... — тихо повторил я его слова и протянул руку, чтобы взять документ.

Всего лишь лист. Всего лишь чернила. Но именно в этот момент он перестал быть просто бумагой — он стал ножом, рассекающим мою жизнь на «до» и «после». Я смотрел на него, и буквы сначала плыли перед глазами, сливаясь в чёрное, бесформенное пятно. Только потом проступили отдельные слова: постановление, возбуждено, уголовное дело. Подпись следователя — размашистая, с нажимом, будто ставящая точку в чём-то важном. Синие чернила. Печать — немного смазанная, как будто её поставили второпях, но от этого она не становилась менее весомой.

Руки задрожали. Сначала едва заметно — лёгкая дрожь в кончиках пальцев. Потом сильнее. Я сжал кулаки, но это не помогло. Тело реагировало быстрее разума, предательски выдавая то, что я пытался скрыть: страх. Не панику, нет — холодный, растекающийся по жилам страх, от которого сжимается желудок и перехватывает дыхание.

«Дыши. Просто дыши», — проговорил сам себе. Сделал глубокий вдох, потом ещё один. Но лёгкие будто не раскрывались до конца. Мысли метались, цепляясь за обрывки планов, вариантов, возможных действий.

«Позвонить. Надо позвонить», — рука сама потянулась к телефону. Старый рефлекс — в сложной ситуации искать поддержки, совета, хоть какого-то якоря в этом внезапно перевернувшемся мире. «Но... кому? Кто сейчас сможет помочь? Кто вообще захочет?»

Тишина. Только тиканье часов на руке. Только собственное дыхание, всё ещё неровное. И этот лист передо мной — уже не просто бумага, а приговор, ещё не озвученный, но уже вступивший в силу.

Осталось только принять правила новой игры. Но сначала — перестать дрожать.

Оперативник резко отреагировал на мои действия и в утвердительной форме потребовал: — Артём Николаевич, не прикасайтесь к телефону. Вы же прекрасно знаете, что этого делать нельзя. Чуть позже ваш телефон будет изъят.

— Да, конечно, — ответил я и убрал руку.

— А лучше выключите при нас свой телефон, чтобы не отвлекал.

— Как скажете.

Я достал свой аппарат из правого кармана и при всех нажал на кнопку выключения. Телефон ярко сверкнул и мелодией подтвердил своё отключение.

— Хорошо. Уберите его пока обратно в карман.

В разговор вмешался следователь:

— Вы закончили с ознакомлением? Подписывайте бумагу вот здесь, — он указал на графу под названием «Ознакомлен».

— Ещё минуту, пожалуйста... — попросил я.

Передо мной лежал документ, и каждая его строчка обжигала сознание. «Разглашение государственной тайны» — эти слова висели в воздухе, как приговор, ещё не произнесённый вслух. «Передача третьему лицу» — формулировка, от которой похолодели пальцы, сжимающие бумагу.

Я медленно водил взглядом по тексту, впитывая каждое слово. Тексты телефонных переговоров. Объект оперативной разработки. Оперативно-розыскные мероприятия. Сухой канцелярский язык, за которым скрывалась чья-то тщательно спланированная операция. И теперь я оказался в её эпицентре.

Особенно резанула глаза фраза: «В жилом помещении могут находиться предметы...» Мой мысленный взгляд непроизвольно скользнул по представляемым знакомым стенам, по книгам на полках, по рабочим бумагам на столе. Сюда придут чужие люди и будут переворачивать всё вверх дном, выискивая доказательства, которых...

Голос следователя вывел меня из раздумий:

— Вы ознакомились? Нужны разъяснения?

Я поднял голову, сохраняя на лице невозмутимое выражение. Внутри всё сжалось, но внешне — ни единой эмоции. Только лёгкий нахмуренный взгляд человека, глубоко погружённого в изучение документа.

— Один вопрос, — произнёс я ровным тоном. — Кто именно этот третий, не имеющий допуска?

Мой голос звучал спокойно, почти деловито. Но в голове уже работала логика, анализируя возможные варианты, ища слабые места в этой конструкции. Обыск — это не просто фор-

мальность. Это послание. И теперь предстояло понять, кто его отправил и что за этим стоит на самом деле.

Руки больше не дрожали. Теперь в них была твёрдость. Я перечитал текст ещё раз, отмечая про себя каждую неточность, каждую расплывчатую формулировку, которая могла стать зацепкой. Игра только начиналась.

— Какие телефонные разговоры? Вы о чём вообще?! — с возмущением спросил я. — Это интересно, как я мог что-то передать? Это бред! Такого не было и такое невозможно!

— Ну, мы считаем иначе, — ответил следователь и нахмурил брови.

Я видел, как его лицо начало терять дежурную вежливость. Губы сжались в тонкую ниточку, веко слегка подрагивало — он явно считал мои вопросы пустой тратой времени. И был по-своему прав. Кто я такой, чтобы затягивать этот тщательно спланированный спектакль?

Но остановиться я не мог. Каждый новый вопрос был как глоток воздуха для тонущего человека. Может быть, если спрашивать достаточно долго и упорно, произойдет чудо? Они вдруг очнутся, переглянутся, и кто-то скажет: «А может, и правда, ошиблись человеком?» И тогда они свернут свои бумаги, заберут печати, и я смогу просто выйти из подъезда, сесть в машину и поехать по своим делам. Как вчера. Как позавчера. Как всегда.

Но чуда не происходило. Их глаза оставались пустыми и непроницаемыми. Они пришли не за ответами — они пришли за мной. И никакие вопросы не могли изменить сценарий, который кто-то уже написал за нас всех.

Я вдруг осознал всю комичность ситуации: взрослые мужчины, профессионалы, тратили свое и чужое время на этот ритуал, делая вид, что верят в справедливость происходящего. Я же делал вид, что не понимаю, что всё уже решено.

И всё же задал ещё один вопрос — просто чтобы услышать собственный голос. Чтобы доказать себе, что ещё могу говорить, ещё не сдался. Последний акт сопротивления перед тем, как опустятся кулисы:

— Здесь речь идёт о событиях, которые якобы были более трёх лет назад. Это же время, когда я был замом по тыловой части в управлении. У меня даже доступа не было к подобной информации... Как я мог это всё передать?

Всё это были риторические вопросы. На них никто не собирался отвечать. Следователь и его большая команда пришли сюда не для этого. Ему не нужно тратить время на разъяснения и уж тем более на диалог со мной. В такой ситуации поверить в сказанное трудно. Поскольку твои интересы и интересы пришедших к тебе людей разделяет пропасть, которую не перепрыгнуть и не обойти.

— Нам ещё долго слушать вас? — строго и с недовольством спросил меня следователь. — Следствие всё покажет. А сейчас мы сделаем то, за чем пришли, и хватит вопросов.

— Да, конечно, — опустив голову, сказал я в ответ.

После этого аккуратно поставил свой портфель на пол, взял ручку и подписал там, где надо.

— Ну, раз вопросов больше нет, — продолжил следователь, — тогда открывайте дверь и начнём.

Сколько же раз за всю свою практику мне приходилось говорить подобные слова другим людям, а после предлагать им открыть дверь своим ключом...

Мои мысли, словно спорткары на последнем круге, которые рвутся к финишу, сталкивались друг с другом: «Супруга... Как подобрать слова? Коллеги... Что сказать им? Руководство... Какой будет их холодный взгляд?» А дальше — пугающая пустота, где не было готовых ответов.

— Мне надо взять свой портфель и достать ключи от квартиры. Я могу это сделать? — и, не дожидаясь ответа, потянулся к сумке. Никто не стал отвечать на мой вопрос. Все смотрели на меня. А что им ещё остаётся делать?

Перед тем как открыть дверь, повернулся к сотрудникам, стоявшим позади в ожидании начала, и спросил:

— А понятые? Где вы их будете искать? Соседей моих привлечёте?

Сама мысль о них вызвала тошнотворное отвращение. Чужие люди в моем доме.

Они снимут обувь (но носки-то останутся — вонючие, потные), будут шаркать по ламинату, оставляя невидимые следы своего вторжения. Их глаза — фальшивое сочувствие на первом плане, а под ним — жадный интерес: «Что натворил сосед? Чем всё закончится?»

И самое мерзкое — они получают законное право рыться в моей жизни. Открывать шкафы, трогать вещи, изучать, как устроен мой быт. Редкий человек упустит шанс заглянуть туда, куда его в обычной жизни никогда не пустят. А потом — перешептывания на лавочке: «А я у него видел...», «А у него в спальне...»

Лучше пусть придут хоть марсиане, только не соседи с моего этажа. Люди, с которыми придется потом делить тесную кабину лифта по утрам. Чувствовать их тяжёлое дыхание на затылке. Видеть, как они специально отводят взгляд, утыкаясь в пол, лишь бы избежать неловкого молчания.

Объясняться? Оправдываться? Никогда. По двум причинам: моя жизнь не спектакль для их любопытства и не предмет для сплетен. Никто не получит права совать нос в мои личные дела под маской натужного сочувствия.

«Может, старшего дома пригласят с дворником, например?» — слабая надежда мелькнула и тут же погасла.

Знакомый оперативник улыбнулся мне и сказал:

— Не беспокойся, у нас свои понятые. У них есть допуск к гостайне.

Я посмотрел в конец коридора, и действительно, в подъезде стояли ещё двое пожилых людей. Странно, а ведь я на них даже не обратил внимания. Какие интересные люди. Невзрачные и незаметные. Безликие. Вот бы им в наблюдении работать. На таких точно не подумаешь и не обратишь свой взор, даже когда чувствуешь опасность. Они тихонько всё это время стояли в уголке, как две неслышимые тени.

— Ага, понятно, — в ответ улыбнулся я, — знакомая ситуация. Сам так раньше делал. Понимаю, так проще. Наверное, мне надо вас поблагодарить?

Эта фраза немного разрядила обстановку, и все слегка улыбнулись. Наконец мной была открыта дверь, и мы всей толпой зашли в дом.

— Мне надо разбудить супругу, — сказал я следователю, — для неё это будет, мягко сказать, сюрприз. Позвольте мне её подготовить.

— Да, конечно, — любезно ответил он, — но только так, чтобы мы вас могли видеть.

Я зашёл в спальню. Разбудил Настю и тихонько сказал:

— Не волнуйся, у нас непрошенные гости, они планируют провести в доме обыск. Собирайся, пожалуйста, и выходи из спальни. Не принимай всё близко к сердцу. Скоро всё закончится. «Нам надо это пережить, — с волнением в голосе сказал я и добавил, — я тебя предупреждал, что такое может быть, мы же в какой-то степени готовились к этому, ты помнишь?»

Настя молчала. Ее широко раскрытые глаза — будто два беззащитных озера — бессознательно хлопали ресницами, словно пытаясь развеять надвигающуюся тучу. Она всё ещё находилась в этом пограничном состоянии между сном и явью, где слова обретают вес не сразу, а боль приходит с запозданием.

Она на автомате ответила:

— Да, я помню. Сейчас оденусь и выйду.

— Хорошо, — с одобрением сказал я.

Возвращаясь в зал к своим непрошеным гостям, повторил для себя: «Главное — не противодействовать, этим только сделаю хуже, но давать волю таким людям тоже нельзя. С лёгкостью подкинуть чего-нибудь, как говорится, для моей сговорчивости».

Следователь разместился за кухонным столом. Разложив свои бумаги в порядке, понятном только ему, взял своё смертоносное оружие в правую руку — шариковую ручку, придвинул несколько листов с печатным текстом к себе поближе и молча занялся заполнением пустых граф.

Благодаря тишине в комнате было слышно, как его перо бежит по бумаге, издавая звук, похожий на шуршание маленькой мышки в тёмном углу. Его рука двигалась быстро, он не старался красиво писать.

Я стоял напротив стола, прислонясь спиной к холодильнику. За окном сияло солнце, лучи которого согревали мою правую руку и отогревали душу. Я наблюдал, как следователь небрежно заполнял документ. Для него это просто работа, текучка, то, что далеко от искусства. Если сравнивать почерк, то приемлемым вариантом будет манера письма школьника младших классов, который не считает аккуратность важной частью его учёбы.

«И это всё мне придётся читать в конце. Да не просто читать, а понимать, что именно каждое слово означает», — предвкушая предстоящее событие, с грустью подумал я.

Понятые скромно осматривали зал, сидя на диване. У всех чувствовалось состояние неловкости. Пауза немного раздражала, но все терпеливо ждали команды следователя начинать.

Через несколько минут уши следователя донесли информацию в мозг, что в комнате царит несвойственная, согласно количеству в ней людей, тишина.

Его рука остановилась, ручка замерла на бумаге. Её колесо, размазывающее синие чернила по бумаге, стояло неподвижно. Сохраняя данное положение рук, он поднял голову и посмотрел на всех присутствующих в зале. Улыбнулся и тихо сказал: «Ещё немного, и я закончу. Тогда и приступим».

Затем развернулся корпусом вправо, направив взгляд на пожилую пару, сидящую на большом диване. На лице изобразил жалостливую гримасу, вкладывая в неё нотку фальшивого переживания и сочувствия, обратился к понятым: «Потерпите немного. Я понимаю... Вам утомительно. Мы здесь недолго».

Они молча махнули головами, давая понять, что всё понимают и готовы ждать столько, сколько потребуется.

Воспользовавшись ситуацией, я решил отвлечь себя своими размышлениями: «Меня предупреждали об этом, почему я не поверил? А с другой стороны, что я мог бы сделать? Ничего. А всё ли я правильно делал?»

Когда мне стало известно, что в отношении меня возбуждено уголовное дело, я доложил в установленном порядке своему руководителю. Он информацию принял, сказав, что если не причастен, то переживать не стоит.

«Что далее? — продолжал я размышлять. — Почему мне не предложили уехать из города в отпуск, например? Это вопрос, на который стоит поискать позже ответ. Далее, может, надо было вынести из дома всю технику с телефонами? Но это же бред. Они тогда и телевизор заберут. Ведь нельзя проводить обыск, ничего не изъяв. Так это не делается. Опять же, я не могу быть и работать без своего телефона. Что ещё? — продолжал я. — Но почему меня оставили в городе? Ведь многие знали, что придут ко мне с обыском, — снова поток мыслей вернул меня к этому вопросу. — Знаю людей, которым так помогали и спасали их от последствий. Да какой там, вообще не доводили до них. А мне такой возможности не предоставили. Это неспроста. Артём, остановись. Надо собраться. Проанализирую после свои догадки. Это надо всё проверить и сопоставлять. Сейчас переключаюсь на более важный процесс. Чего нельзя делать при обыске: первое — нельзя никого оставлять из оперативников одних в комнатах. Понятые — их люди, им веры нет. Они потом скажут всё, что нужно следователю, а не так, как оно было на самом деле. Второе — надо попросить Настю, чтобы она внимательно следила за каждым. Далее — не подписывай, пока не прочтёшь от начала и до конца документ. Особое внимание

— к описанию предметов, которые будут изъяты, всё должно совпадать. Это важно, я помню. Четвёртое: выдохни уже наконец, расслабься, твоя трясушка, пусть даже лёгкая, она заметна. Ты не должен показывать свою слабость. Жалость не вызывать, они тут не за этим. И главное — пойми, Артём, все эти люди — твои враги, у них нет цели помогать. Да, да, я знаю, очень хочется, чтобы было всё по-другому, но нет, реальность иная». Я говорил в своих мыслях так громко, что боялся — кто-то сможет их услышать.

«Вроде всё проговорил. План хороший, его и держись, — дал я себе установку, — это поможет сохранить самообладание».

Единственное, о чём тогда не подумал, — позвонить адвокату. А с другой стороны, как это возможно сделать? Ведь телефоны под изъятие. Да и звонки совершать не разрешено. Есть у меня такое право или нет, никого это не волнует. Когда в квартире четыре опера, плюс двое их понятых и следователь, что ты им скажешь? Начни говорить о своих правах, и в лучшем случае тебе улыбнутся в лицо, а в худшем — заламают руки под видом того, что ты начал оказывать сопротивление. Надо это понимать и взаимодействовать со всеми с учётом обстановки.

Следователь продолжал методично заполнять протокол, а его ручка также скрипела по бумаге. В этом звуке мне слышалась вся абсурдность момента — взрослые мужчины играли в какую-то странную игру, где бумаги были важнее людей. Он переспрашивал мои данные, хотя прекрасно знал их наизусть — этот ритуал казался бесконечным.

В зал вошла Настя. Не торопясь, с невозмутимым лицом. Ни тени паники в глазах, только легкая усталость в уголках губ. Она прошла к холодильнику, движения точные, выверенные годами привычки. Достала детский завтрак, поставила греться.

Она стояла ко всем спиной, опершись ладонью о кухонную столешницу. Глаза были прикованы к микроволновке, которая с монотонным гудением вращала в своем нутре посуду, бомбардируя её микроволнами.

Этим утром Настя выбрала облегающие спортивные шорты — они выгодно подчеркивали выпуклые ягодицы и тонкость талии. Обтягивающий белоснежный топ плотно облегал грудь, а накинутая на плечи красная олимпийка (так и не застегнутая) добавляла образу дерзкой небрежности.

Выглядела она на грани допустимого — достаточно сдержанно, чтобы не вызывать открытого осуждения, но достаточно провокационно, чтобы притягивать взгляды всех присутствующих.

Оперативники старались не смотреть, но украдкой всё же бросали жадные взгляды. Молодые парни — им бы в другом месте и в другое время глазеть на красивую женщину. Но сейчас они делали вид, что оценивают оперативную обстановку. Смешно.

Я же наблюдал за женой без стеснения. Как её ягодицы играли мышцами при каждом движении, как бедра напрягались, когда она переминалась с ноги на ногу. В голове началась странная война — между трезвым осознанием происходящего и животным желанием, разожжённым её утренним нарядом.

Рациональные мысли носились, как степные всадники, пытаясь подавить всё лишнее. Но сексуальная энергия Насти оказалась сильнее — даже в этой абсурдной ситуации моё тело напоминало, что я прежде всего мужчина.

«О чём ты думаешь, идиот? Сейчас не то время, чтобы думать о низменном...» — подумал я, и мои уголки рта слегка растянулись в улыбке. Но взгляд по-прежнему оставался на её аппетитных бёдрах. «Она сейчас повернётся, — продолжил я фантазировать, — и тогда станет отчётливо виден тот прекрасный и выразительный треугольник, который автоматически расширит горизонты воображения не только у меня, но и большинства присутствующих. Это я на тот случай, если не все здесь гетеросексуальны». Я зажмурил глаза, сжал зубы — скулы напряглись. Тонкая боль во рту отрезвила меня, остановив разгулявшийся поток похотливых мыслей.

Печь прозвенела. Настя проверила температуру еды привычным движением — губами к ложке. Я видел, как сжимаются ее пальцы на ручке ложки, единственный признак напряжения.

— Настя, — сказал я четко, — следи, чтобы никто не ходил по комнатам один.

Она кивнула. Просто «хорошо», без лишних слов. Моя стальная женщина. В этот момент я понял, насколько она сильнее меня. Меня ещё трясет от адреналина, а она уже переключилась на сына.

— Можно разбудить ребенка? — спросила она и посмотрела на следователя. Тот кивнул, отправив сопровождающего.

Сердце сжалось: «Мой мальчик увидит этих людей в нашем доме. Этих чужаков, которые роются в наших вещах. Хоть бы не запомнил. Хоть бы...»

Раздался топот маленьких ног. На своем трехколесном коне влетел главный командир этого дома. Настя ловко извлекла его из седла и усадила за специальный детский столик. Он сразу взялся за ложку — серьезный, деловитый.

— Молодец, — прошептал я. Гордость распирала грудь. Вот он, мой смысл. Настя стояла рядом, создавая своим телом защитный круг. Она смотрела только на него, игнорируя весь этот цирк.

А оперативники продолжали свое дело. Бумаги шелестели, шаги гулко раздавались по квартире. Но в этом углу кухни, у детского столика, был островок нормальности — мама и ребенок, завтракающий кашей. Последний бастион прежней жизни.

Следователь наконец закончил со своими документами и попросил оперативников приступить к проведению следственного действия. Я тут же предложил:

— Давайте мы со Стасом Геннадьевичем осмотрим детскую комнату вдвоём, чтобы потом туда смогла уйти супруга с ребёнком, а вы начинайте при ней осмотр кухни и зала. — Я смотрел на следователя в ожидании его одобрения.

— Делайте, — согласился он.

В спальне всё пахло детством. Игрушки под кроватью, цветные карандаши, разложенные на маленьком столике, рядом с ними листки бумаги. Некоторые уже запечатались на себе фантазию ребёнка — как он видит этот мир, а остальные были чистыми, как будущее, которое он сам будет строить.

Внимание Стаса привлёк единственный шкаф в комнате, формой напоминающий букву «Г», расположенный слева от входа. Он подошёл к основным раздвижным дверям, остановился, упёр руки в боки — его пальцы растопырились. Поза, в которой смешались и готовность к действию, и скрытое раздражение. Я стоял рядом в ожидании его решения: «Интересно, какое удовольствие ты получишь от осмотра детских вещей?» — промелькнула ироничная мысль в моей голове.

Спустя несколько секунд молчаливого простоя у шкафа, Стас посмотрел на меня своими сверкающими глазами, наполненными детской отвагой, смешанной со взрослой решимостью — рождённой в его сознании исключительно правом, данным ему по закону, а не по свойству характера: «Чего ждёшь? Открывай...» — сказал он ровным голосом на выдохе, показывая таким образом своё превосходство надо мной.

Слова ударили меня словно обухом по голове. Такой постановки вопроса я не ожидал: «А ты сам-то не можешь руками подвигать?» — мысленно возмутился и посмотрел на Стаса. Не отрывая взгляда от его лица, немного кивнул головой в левую сторону, показывая лёгкое удивление и одновременно своё согласие выполнить его команду. Левой рукой отодвинул дверцу шкафа в левую сторону, открыв доступ к его содержимому.

Стас, продолжая изображать уверенного оперативника, сказал с командирской ноткой в голосе: «Так, ну что тут у нас?» После присел на корточки и приступил к осмотру с нижних полок. Он запускал руки под аккуратно сложенную одежду, проверяя, не спрятано ли там под бельём то, что может его заинтересовать. Его ладони, которые не видели мыла как минимум

со вчерашнего вечера, прикасались к подгузникам, чистым полотенцам, носкам — ко всему, что носит мой сын.

После осмотра я проводил Настю в спальню — пусть там переждут этот кошмар. Настоящая работа началась в зале — здесь стоял массивный шкаф с нашими гаджетами, документами, флешками.

Казалось, они заберут всё — вплоть до зарядных устройств. В эпоху цифровых технологий обыск, надо признать, стал другим — теперь доказательства помещаются в карман, но последствия так же необратимы.

Перед тем как всё положить в один мешок и опечатать, оперативник Стас сказал:

— Подождите, дайте мне этот телефон, — и указал на смартфон супруги.

Следователь рукой подвинул его в сторону опера, давая понять, что разрешает, и с деловым видом продолжил заполнять протокол обыска, описывая изымаемые предметы.

Стас взял гаджет супруги и направился к ней в спальню. В это время я занимался перебиранием документов в шкафу, показывая их понятым и оперативнику, который стоял рядом со мной.

Краем уха услышал разговор Стаса со следователем про телефон. Это меня смутило. Я озадачился: «А зачем ему понадобился телефон моей супруги и почему он пошёл к ней в спальню? Здесь что-то не так...» — подумал я.

Тут же остановился с документами и сказал, что мне надо к Стасу Геннадьевичу. Не дожидаясь какого-либо ответа от присутствующих лиц, направился в спальню.

— Анастасия, скажите, а какой у вас на телефоне пароль? Мне убедиться кое в чём, здесь же при вас, — обращался Стас к моей супруге.

— Я думаю, что вам надо обратиться к Артёму, он знает мой пароль, — ответила она.

— Стас Геннадьевич, — вмешался я в разговор, — ну мы же с вами всё прекрасно понимаем и знаем... Зачем спрашивать пароль? Не стоит этого делать.

— А ты скажешь пароль от телефонов своего и супруги?

— Стас Геннадьевич... — растянуто сказал я и слегка улыбнулся, давая понять, что пароли к гаджетам я не сообщу.

— Всё понятно с тобой, — тихо сказал он, глядя на потухший экран телефона. Гаджет безжизненно лежал в его правой руке.

Ощущая беспомощность — в этой ситуации, впрочем, как и в жизни — он сжал губы в тонкую ниточку и прошептал то, что сам счёл грозной фразой:

— Я всё равно тебя посажу. Надолго. Ты будешь сидеть и просить о пощаде.

Не решившись встретиться со мной взглядом после этих слов, он резко развернулся и быстрым шагом пошёл в зал.

Положив телефон на стол рядом со следователем, громко сказал: «Опечатывайте!»

Страшно не было, но неприятно — это точно. Мне даже хотелось рассмеяться ему в ответ. Не из-за надменности, нет. Просто, когда хорошо знакомый человек пытается напугать тебя, злобно сверкая глазами, его угрозы почему-то перестают восприниматься всерьёз. Это какая-то защитная реакция — смеяться над тем, что должно было испугать.

В целом, мероприятие под названием «обыск» прошло относительно спокойно.

Все формальности были выполнены без эксцессов.

— Ну что, выдвигаемся? Продолжим наше увлекательное дело в вашем управлении, — сказал незнакомый мне оперативник.

— А у меня есть выбор?

— Нет, — и он улыбнулся в ответ.

ГЛАВА 2

Испытания обыском на работе

Каково было моё удивление, когда на улице я увидел ещё сотрудников, которые должны были обеспечивать силовую защиту. Все вооружены и одеты в камуфляж. Их лица скрыты под масками, видны одни глаза. У всех рации. Из них вырываются какие-то неразборчивые звуки. Прямо как в кино.

— Вот это круто. Неужели я такой опасный, что понадобилось столько народу? — сказал я. — Вы тут прямо аншлаг собрали. Похоже, полдома в окна наблюдают.

— Пусть смотрят, это их дело, — ответил мне Стас, который шёл рядом со мной.

— Да у вас тут несколько машин и все полны людей. Ух, как круто.

— Ты же понимаешь, что так надо и положено.

— Нет, не понимаю. Со мной можно было и по-другому. Я адекватный и многое понимаю и знаю.

— Вот именно поэтому здесь так много людей, — резко ответил Стас.

Меня всегда такое шоу удивляло. Вспоминаю, как нас тоже заставляли брать с собой на обыски людей из специальных силовых подразделений. Иногда доходило до смеха, когда задерживали молодых парней-компьютерщиков, которые дальше своего ноутбука и туалета не заходили месяцами. А тут люди с автоматами да в масках. По-моему, это всё комично выглядело.

Но всё это было мелочью по сравнению с визитом кинологов. Этих с их собаками старались тоже привлекать даже на компьютерные дела — видимо, чтобы оправдать бюджет кинологической службы и не дать псам разлениваться. Ведь им абсолютно всё равно, где рыскать: хоть в серверной, хоть в спальне.

Данные воспоминания я наложил на свою ситуацию — и меня передёрнуло от представления, что в моей квартире могли бы носиться лохматые овчарки с немывтыми лапами, суя мокрые носы в постельное бельё и оставляя грязные следы на паркете...

«Странно, что ко мне не прислали этот цирк, — вдруг осенило меня. — Хотя... наверное, у них просто нет своего собачьего зоопарка». Эта мысль почему-то вызвала горькую усмешку.

Настя осталась одна в опустевшей квартире, где ещё витал тяжелый дух чужого присутствия. Ее состояние можно сравнить разве что с тем, когда после шторма ты остаешься среди разбросанных волнами обломков — вокруг привычные вещи, но всё перевернуто с ног на голову. Чужие руки перерыли шкафы, оставили после себя запах дешевого одеколона и ощущение насильственного вторжения в самое личное.

Она стояла посреди гостиной, механически поправляя сдвинутый ковер. Руки сами искали занятие — то поправляли вазу на столе, то гладили спинку дивана, будто успокаивая испуганное животное. Слезы подступали к горлу, но не вырывались наружу — она знала, что сейчас нельзя, что нужно держаться ради маленького человечка, который смотрел на нее своими огромными глазами, ещё не понимая, почему мама так странно себя ведет.

«Что будет дальше?» — этот вопрос звенел в её голове, как натянутая струна. Отсутствие телефона, обычно раздражающее, сейчас казалось милостью — не надо никому ничего объяснять. Не надо слышать этот притворно-сочувственный тон родственников, эти шепотки за спиной соседей. Она представляла, как завтра будет идти по двору, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов, как мамы у песочницы резко замолкнут при ее приближении...

Сын внезапно врезался ей в ноги на своем велосипеде, вырвав из тягостных раздумий. Она подхватила его, прижала так крепко, что он заворчал. Его теплый детский запах, знакомый с первых дней жизни, стал единственной опорой в этом рухнувшем мире. «Ничего, мы

справимся», — прошептала она, целуя его пухлую щеку. Губы сами сложились в улыбку, когда мальчик, вырвавшись, снова помчался по коридору с победным криком.

Настя смотрела ему вслед, и впервые за этот день в груди что-то дрогнуло. Этот маленький водитель трёхколесного танка, не ведающий о бедах, стал ее якорем. «Вот и молодец, — сказала Настя, — езжай, завоевывай территорию». Она взяла ведро и тряпку — теперь война будет за чистоту. За то, чтобы вымыть каждый угол, где ступала нога непрошеного гостя. Чтобы вернуть дому его душу.

А там... А там будет видно. Главное — мы вместе. И пока крутятся колесики этого детского велосипеда, пока звучит его смех, жизнь продолжается. Даже если завтра снова придется столкнуться с чужими взглядами и шепотами. Даже если... Но об этом она подумает завтра. Сегодня нужно просто вымыть полы.

Я вместе со своими сопровождающими вышел из двора на улицу, где были припаркованы рядом с моим служебным автомобилем машины приехавших ко мне «гостей».

С каждым шагом в моей голове отливались тяжёлые мысли: «Вот утро, солнце, я в костюме, мой портфель, машина, ожидающая меня — всё как обычно, как всегда». В груди немного защемило, почувствовался лёгкий укол в животе: «Но сегодня всё будет иначе. Не так...» — и холодок пробежал по позвоночнику.

Мы остановились с правой стороны моей машины. Я повернулся к Стасу и сопровождающим боевикам:

— Как поедем?

— Давай на твоём, — он ткнул указательным пальцем в багажник, — поеду я и ещё двое, вот эти с автоматами.

Я посмотрел на его ноготь, который побелел от сильного прижатия — там отчётливо сияла чёрной полоской, отделяющей подушечку пальца от ногтевой пластины, забившаяся грязь.

— Понятно, — медленно и с растяжкой сказал я.

Окинул оценивающим взглядом двух молодых парней в масках. Они одеты в камуфляж, под которым, наверняка, скрывается лёгкий бронежилет и, конечно, оружие. Выглядят они устрашающе. Чувствуешь себя каким-то особо опасным преступником в их компании.

В такие моменты зрители, как мухи, подлетают семьями к окнам и внимательно рассматривают происходящее. Кто там стоит, какие надписи на спинах людей в форме? Кто-то скажет: «О, ужас — это ФСБ, они задерживают нашего соседа. Это чего же такого он натворил, что его уводят такие люди? С кем мы живём в одном доме?». Есть и такие, кто резко выходит на улицу погулять с собачкой или котиком. Мамашки с колясками подтягиваются. Интерес человеческий к чужой беде обладает особым магнетизмом. О, как же прекрасно то чувство опасности, которое не затрагивает тебя. Холодок по телу сменяется теплом от понимания, что ты здесь только зритель, а участник — другой человек. Будем смотреть, чтобы потом рассказать дома за столом остальным, кто ничего не знает. Сплетни, сладкие сплетни, они так помогают скрасить серые будни жизни.

Перед тем как нам всем поместить свои тела в машину, возникла неловкая ситуация: кто сядет на переднее сиденье? Вроде бы вопрос-то плевый, но сегодня — не тот день. Что раньше было простым и понятным, теперь ставится под сомнение. Появилась дополнительная сложность: надо согласовывать элементарные вещи с теми, кто мне противен.

Я сморщил лицо в гримасе напряжённой сосредоточенности — немой сигнал, что сейчас мои мысли погружены в прошлое. В этот момент перед внутренним взором проносились обрывки воспоминаний, словно кадры старой киноплёнки: «По опыту мы всегда делали так: подозреваемый на заднем сиденье между двумя сотрудниками, а старший группы — на переднем».

Мой взгляд невольно опустился на брюки с наглаженными стрелками: «Ну нет. Только не в моём случае. У меня костюм, рубашка, всё начищено, а меня сейчас среди этих оперов? От которых идёт душок немытого тела, которое вспотело то ли перед обыском, то ли в ходе него?»

Пальцы на правой руке невольно сжались в кулак, придавая решимости планируемым действиям: «Надо проявить принципиальность. Молча занять переднее сиденье и всё, точка».

Как задумал, так и поступил. Открыл переднюю дверь пассажира, поставил свою сумку на пол, после удобно расположился на сиденье. Головой не крутил, интереса не проявлял — нельзя было показывать свою слабость. Только решимость, хотя бы в этом. Это не наглость — это характер.

«Так, вопросов у присутствующих не возникло, мне это нравится, — подумал я. — Значит, ещё пока побаиваются. Нерешительные парни. Не знают до конца, чем может дело кончиться, раз молча позволили сесть в более комфортных условиях».

Перед тем как поехать, водитель Евгений обратил внимание на то, что нет одного автомобильного коврика заднего ряда.

— А где коврик? — возмущённо спросил он. — Вы куда его дели?

— Не знаю, — ответил человек с автоматом и в маске.

— Но был утром здесь, а сейчас его нет! Зачем вы его убрали? — продолжал возмущаться Женя.

Ситуация стала накаляться. Сотрудник в маске начал нервничать. Ведь его обвиняют в краже коврика. Кому это понравится?

— Слышишь? Угомонись! — возмутился он. — Я сейчас тебе коврик такой найду — за машиной побежишь. Езжай давай!

— Женя, не обращай внимание, найдём твой недостающий коврик. Не накаляй обстановку, не время и мы не в том положении, — вмешался в диалог я.

Евгений что-то пробурчал невнятное и запустил двигатель. В его глазах сверкала злость. Он понимал, что теперь покупать утраченную вещь придётся ему за свой счёт.

Его строгий взгляд был готов расплавить лобовое стекло, но тогда ему также пришлось бы его покупать за свои деньги. Зрочки резко дёрнулись налево, в сторону выезда из парковки: «Мудаки, блин. Зачем коврик-то трогать? Ну сидели в машине, охраняли меня, но пакостничать-то зачем?» — мысленно возмущался Женя. «Крутые, что ли? Почувствовали себя на вершине...»

— Не борзей! — снова заявил о себе сотрудник в маске.

Видимо, эта ситуация возмутила его не меньше, чем Женю. Но по-своему.

Евгений дёрнул плечами от испуга, подняв их вверх. После чуть придвинулся к рулевому колесу, бессознательно отдаляя себя на безопасное расстояние от сидящего сзади возмущённого оперативника. В его голове метался вопрос: «Я что, всё это сказал вслух?» «Нет. Такого не может быть, я же не сумасшедший», — мысленно успокоил он сам себя.

— Мы всё поняли, — вмешался я в разговор. Решение ответить за Женю появилось от ощущения, что он мог сказать грубость. А это было бы лишним. Сегодня мы оказались в позиции загнанного зверя — лапы в капкане, зубы бесполезны, а охотник целится между глаз. Как же тут не быть сговорчивым?

Тем не менее, недовольство Жени висело в воздухе плотной пеленой на протяжении всего пути. Он сидел за рулем своего служебного автомобиля, сжимая баранку так, будто хотел выжать из нее все соки. Его пальцы нервно перебирали кожаную оплётку, губы были плотно сжаты, а взгляд уперся в дорогу с таким выражением, словно асфальт перед нами был виноват во всех бедах этого мира.

Я наблюдал за городом через боковое стекло, и в этом новом статусе — статусе задержанного — привычные уличные сцены обрели странную глубину. Люди на остановках казались теперь не просто фоном, а живыми иллюстрациями той нормальной жизни, которая для

меня внезапно оборвалась. Женщина средних лет в потертой куртке листала телефон, изредка покусывая нижнюю губу — наверное, читала важное сообщение. Молодой парень в дешёвом костюме нервно поглядывал на часы — опаздывал на собеседование или на свидание? Пожилой мужчина с авоськой, полной продуктов, медленно шел вдоль тротуара, и я вдруг с неожиданной остротой осознал, что все эти люди живут своей обычной жизнью, со своими маленькими радостями и проблемами, даже не подозревая, что прямо сейчас мимо них проезжает человек, у которого только что отняли всё. Но он ещё этого не понял.

Мои мысли лихорадочно метались, пытаюсь проанализировать ситуацию: «Всё ли я сделал правильно во время обыска? Не упустил ли чего?» — особенно беспокоили электронные устройства — телефоны, флешки, компьютер. «Что они там планировали найти? Переписку, конечно. Но какую именно?» — мозг судорожно пытался воспроизвести содержимое своих гаджетов, но память услужливо подсовывала лишь обрывки — рабочие переписки, обсуждения проектов, какие-то бытовые мелочи.

«Даже если я что-то и удалял, для этих ребят восстановить информацию — пара пустяков. Я ведь и сам не раз проделывал такое, находясь по ту сторону баррикад. Точнее — давал команду проделывать данную процедуру». Мой мозг тут же нарисовал картину: вот изъятые телефоны лежат на столе, кажущиеся безжизненными, пока их не подключают тонкими проводами к серверному блоку. Экран монитора вспыхивает синим, курсор мигает в строке команд — чьи-то пальцы уже печатают запрос, короткий и неумолимый: восстановить удаленные файлы.

Где-то в недрах памяти гаджетов шевелятся обрывки данных, цифровые призраки, которые я тщетно пытался похоронить. На экране ползет прогресс-бар — сначала робко, потом все увереннее, заполняя белое окно свидетельствами, которые уже нельзя отменить.

За этим процессом наблюдает пара глаз — неподвижных, лишенных мигательного рефлекса. Очки на переносице ловят блики монитора, искажая отражение так, что кажется — в комнате не один, а двое, трое, множество свидетелей.

Мне вспомнились недавние стройки и госзакупки, которыми я занимался, будучи замначальника по тыловому обеспечению. Сколько было телефонных переговоров, сколько сообщений в мессенджерах — организация аукционов, согласование поставок, контроль за сроками... Технически ничего противозаконного. По спине пробежал холодок. Ведь при желании любую переписку можно трактовать как угодно. Особенно если за дело берется «лингвистическая экспертиза».

Я представил, как усердный эксперт-лингвист из их системы склоняется над моими сообщениями, старательно выискивая между строк то, чего там никогда не было. «Нужно ускорить процесс» — это явный намек на сокрытие следов. «Договорились» — это несомненный признак преступного сговора. Даже безобидное «цвет — синий» при должном усердии можно представить как зашифрованный код. Шутки шутками, но именно так и работает эта система, когда нужно «найти» доказательства.

Женя резко затормозил перед внезапно загоревшимся красным светом, и я невольно вжался в сиденье. В этот момент до меня с особой ясностью дошло: пока они не знают точно, что искать, у меня ещё есть время. Но эта мысль не принесла облегчения — я слишком хорошо знал, на что способна система, когда решает докопаться до человека. Найдёт всё. Даже то, чего не было.

Но, по воле Всевышнего, буквально накануне перед тем как произошёл этот обыск, я продал все свои старые телефоны. Покупатель был очень доволен, поскольку он их получил за минимальную цену. Теперь мне представить страшно: если бы тогда пожадничал и решил подождать другого, согласного на более высокую цену, потерял бы всё.

Фонтан воображаемых событий заиграл яркими красками. Вот ликующие оперативники, нашедшие на полке среди полотенец старые телефоны. Вот их восторг от переписки, где масса

информации, позволяющей возбудить ещё пару уголовных дел. Ведь там — мои мысли, планы и решения, договорённости и отказы. Всё записано и сохранено в памяти.

Бравые доклады Стаса начальству: «Мы сделали это. Было несложно», — и так далее. «А вот ещё посмотрите, что у него есть... А здесь он говорил про вас... А тут договаривался...»

Я медленно повернул голову, бросив взгляд на Стаса. В сознании с облегчением пронеслось: «Не судьба тебе воспользоваться этим козырем» — и глаза блеснули лучиком маленькой победы.

Зелёный свет светофора замерцал, словно давая знак: это не мой крест, не мой путь. А с тем, что есть — справлюсь.

В животе приятно защемило — смесь облегчения и странного восторга от осознания отвергнутой возможности. Даже адреналиновая дрожь от недавних событий смягчилась, превратившись в тёплую волну. Я мысленно схоронил это ощущение в самой глубине памяти — слишком редко жизнь дарит такие моменты чистого, почти детского ликования перед лицом избегнутой беды.

Не прошло и минуты после пережитого чувства радости, как меня снова накрыло непреодолимым желанием продолжить анализировать своё поведение во время обыска. «Итак, — подумал я, — берём за основу собственный многолетний опыт в области проведения подобных мероприятий. Когда тебе предъявляют постановление, ты должен его внимательно прочесть и понять, в чём тебя подозревают. Я этот пункт выполнил на тройку. Хорошо, идём дальше. Второе: не оказывать сопротивление и ни в коем случае возмущаться. Это ухудшает положение и никак не помогает делу. Спокойно открываешь дверь и требуешь присутствие понятых. Никто без этих людей в квартиру не должен заходить. Этот пункт был выполнен на отлично. Хорошо, идём дальше. Просить присутствие адвоката. В моём случае это вряд ли помогло бы. Потребовать-то можно было, но следователь настрого запретил пользоваться телефонами. В этом случае ты просто обязан подчиниться. Да, закон на твоей стороне, но ведь ты один против толпы недовольных правоохранителей, а значит, в проигрыше. Хорошо, что мне не надо было требовать адвоката. Значит, в целом моя реакция на всё была адекватной», — подытожил я.

Женя выехал на прямую дорогу, где не было много машин, я повернул голову в его сторону и спросил:

— Как у тебя дела? Что нового с утра случилось?

Он с удивлением посмотрел на меня и широко улыбнулся.

— Как вам сказать, было кое-что утром, надеюсь, всё скоро закончится.

— Конечно, закончится — это неизбежно. Да вот только в чью пользу — вопрос, — с грустью в голосе сказал я.

Волнение накатывало волнами, сжимая горло и заставляя ладони слегка потеть. Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, и мысленно приказал себе: «Соберись, черт возьми! Это только начало. Впереди ещё обыск в кабинете...» Внезапно в голове вспыхнула новая, куда более тревожная мысль: «А если они решат перевернуть всю контору?» Представил, как оперативники ворвутся в наше уютное здание, как коллеги будут смотреть на меня широко раскрытыми глазами, как по коридорам поползут шепотки: «А я всегда подозревал...», «Казался таким порядочным...». «Нет, это уже паранойя», — резко оборвал я сам себя, но неприятный осадок остался.

Мои пальцы автоматически потянулись к часам. Солнечный луч, пробившийся сквозь грязноватое стекло автомобиля, на секунду ослепительно вспыхнул на жёлтом циферблате, превратив стрелки в огненные линии. Но машина сменила ряд, и моя рука снова погрузилась в прохладную тень. «Время ещё есть», — отметил я про себя, чувствуя, как учащенный пульс постепенно приходит в норму.

Мысленно вернулся к анализу только что пережитого обыска дома. В голове четко всплыло правило номер три, выученное ещё в институте: «Проверяй каждую строчку в про-

токоле». Не просто «планшет черного цвета», а обязательно с серийным номером, с точными идентификационными признаками — царапиной на задней панели, наклейкой производителя, любыми отличительными чертами. Я скрупулезно проследил за этим — все листы подписаны, все описания точны. Маленькая победа, но в нынешней ситуации и такие важны.

Четвертое правило всплыло в памяти само собой: «Никаких конфликтов». Если перегибают — обращаешь внимание понятых и членов семьи, фиксируешь нарушения, но без эмоций. В моем случае, к счастью, это не понадобилось — все были предельно корректны, даже как-то неестественно вежливы.

«Хотя бы за это спасибо», — мысленно поблагодарил я их и неожиданно для самого себя почувствовал, как уголки губ сами собой потянулись вверх в легкой улыбке.

Машина резко повернула направо, и я невольно схватился за подлокотник. Совсем скоро приедем. И тут мысли, словно испуганные птицы, резко переключились на Настю. «Как она там, одна в опустевшей квартире? Без телефона, без компьютера... Только этот дурацкий телевизор с его бесконечными ток-шоу. Что сейчас творится в ее голове? Наверняка задается вопросом: „За кого я вообще вышла замуж?“»

«Стоп! — резко оборвал я себя, чувствуя, как сжимается желудок. — Не надо накручивать. Я не преступник. Всё разрешится».

Но рациональные доводы плохо помогали против этого навязчивого страха, который тихой змейкой заползал в самое сердце.

Я вспомнил её руки — спокойные, точные в каждом движении, когда она готовила завтрак сыну, накладывала еду в тарелку, будто это был обычный день, а не начало кошмара. Её голос, когда она отвечала оперативникам, звучал так же ровно и чётко, как эти утренние движения — ни на полтона выше, ни на секунду медленнее.

Вот кто оказался настоящим героем этого дня. Не я, не те, кто шипел и спорил — а она, стоявшая посреди кухни с прямой спиной и ясным взглядом. Как будто все эти годы обычной жизни были лишь подготовкой к этому часу, и теперь она демонстрировала выучку, достойную лучшего спецagenta.

Ни одной дрожи в пальцах. Ни малейшего трепета в голосе. Только холодная, отточенная выдержка, словно она превратилась в глыбу льда посреди этого безумия.

Я видел, как оперативники переглядывались. Их лица выражали не раздражение, не злость — а неподдельное изумление. Они явно ждали другого: слёз, мольбы, может быть, даже истерики. Но столкнулись с чем-то, что не укладывалось в их представления о человеческой природе. И это, возможно, пугало их больше, чем любая агрессия.

«Жена командира», — с неожиданной гордостью подумал я, и по телу разлилось странное, почти болезненное тепло, от которого даже щеки запылали. В этот миг я вдруг осознал, что, возможно, впервые за все годы брака действительно оценил ее силу.

Наш кортеж резко затормозил у ворот управления. Дежурный, делая вид, что просто выполняет рутинную работу, с трудом скрывал любопытство — его глаза так и норовили заглянуть в салоны машин, а пальцы нервно сжимались в кулаки и тут же расправлялись, проветривая ладони. «Ну что ж, — глубоко вздохнул я, чувствуя, как снова сжимается в груди, — начинается самое интересное».

Незаметно расправил плечи, поправил воротник рубашки — маленькие ритуалы, помогающие собраться. Впереди была битва, и хотя поле боя выбрал не я, сдаваться без борьбы я не собирался. Пусть они забрали телефоны, компьютеры, пусть перевернули квартиру — самое важное они забрать не смогли и никогда не смогут, пока я сам этого не захочу.

Наш небольшой караван не смог весь поместиться на территории управления. Некоторые автомобили были оставлены рядом с воротами, которые в этот день не были закрыты, как это положено по инструкции.

Когда замолкли двигатели, тишина двора была нарушена щелчками открывающихся дверей машин, громким хлопанием при их закрытии и лёгким стуком каблучков мужских туфель о каменную плитку.

Поскольку мой автомобиль был среди первых, это позволило мне насладиться наблюдением из первого ряда, где видна вся картина происходящего.

Складывалось впечатление, что сейчас снимают какой-то криминальный фильм. Вокруг тишина, много машин, бандиты в костюмах, приехали на разборки в большой офис. Они молча двигаются ко входу в здание, пробираясь между припаркованными машинами. У всех серьёзные и хмурые лица, а взгляды устремлены в пол.

«Как же к месту сейчас была бы фраза: „Стоп, снято“. Да, был бы счастлив я, но не судьба. Здесь нет операторов, сценариста и режиссёра. Только те, кто страстно желал порыться в моих вещах, но уже на работе», — эта горькая мысль вынудила меня скривить лицо: сжать губы, приподнять щёки и спрятать глаза за тонкой щелью век.

Покорно смешавшись с этой организованной толпой, направился в здание управления. Там нас встречали уже другие сотрудники ФСБ. Все они чувствовали себя более раскованно и уверенно, нежели чем у меня дома. А некоторые, видя вокруг много новых людей, которые явно волновались и нервничали от их присутствия, начинали превозносить себя. Ведь это они стали причиной трепета. У них больше власти, данной законом. Крутое ощущение, но оно присуще слабым. Кружит голову глупцам. С такими надо быть особенно осторожным. Их несёт не в сторону, где живёт адекватность и конструктивность.

Первое, что пришло мне на ум, пока я наблюдал за происходящим: дай им то, что они просят. А чтобы не чувствовать себя униженным в этой ситуации, прояви уважение — но не к самому человеку, а к его работе, к задаче, которую он выполняет.

Когда мы поднимались по лестнице на нужный этаж, меня поразила неестественная тишина. Обычно в это утро здесь царило привычное оживление — смех сотрудников, звонки телефонов, шуршание бумаг. Но сейчас коридоры стояли пустые, будто вымершие. Лишь эхо наших шагов глухо отдавалось от кафельных стен, словно насмехаясь над моим положением.

В крыле, где располагался мой кабинет, нас встретили лишь трое — мои два заместителя и секретарь. Их лица были каменными масками, но я-то знал этих людей годами и видел, как дрожат их пальцы, как бегают глаза, как сжимаются челюсти. Они стояли навтыжку, будто на похоронах, и в какой-то момент мне даже показалось, что я уже умер для них — ещё до того, как успел что-то понять или оправдаться.

Стас шел впереди, и по его спине я видел — он наслаждается этим моментом. Его плечи были расправлены, походка стала чуть более размашистой, даже затылок выражал торжество. И надо отдать ему должное — с профессиональной точки зрения он действительно молодец. Сумел получить разрешение на обыск и в квартире, и в кабинете начальника управления. Это вам не шуточки. Сколько бумаг пришлось подписать, сколько инстанций пройти, сколько начальников уговаривать... А может и не надо было никого уговаривать? Всё решили и реализовали в установленное время.

Я вспомнил, как не раз ловил на себе его взгляд в последние недели — странный, пристальный, будто оценивающий. Тогда я думал, что это просто профессиональное внимание. А он в это время уже знал. Знал и молчал. Держал паузу, как настоящий профессионал. Собирал информацию, копал, искал слабые места. И нашел. Нашел то, чего, возможно, даже не было, но что теперь станет моей реальностью.

В этот момент во мне что-то надломилось. Не страх перед будущим — с этим я, в какой-то степени, можно сказать, уже смирился, а вера. Вера в людей, в их порядочность, в дружбу, в профессиональную солидарность. Теперь я понимал: верить можно только Богу в своем сердце, самому себе и своей семье. А если с семьей не повезло... Что ж, значит, когда-то я просто сделал неправильный выбор. Ошибся в человеке. Такое бывает.

Стас первым подошел к двери моего кабинета, остановился на пару секунд, повернулся ко мне и, нахмутив брови, с возмущением спросил:

— Почему кабинет не опечатан?! Здесь сорвана печать! — резко ткнул он пальцем в остатки пластилина на дверном косяке. — Кто имел доступ в кабинет? Он вложил в свой вопрос всю мощь казённой строгости и значимости, что, мягко говоря, ввело меня в лёгкое замешательство. Немалых и усилий мне стоило сдерживать улыбку, ведь она мгновенно обнажила бы всю нелепость этой напыщенной реплики.

Заведя руки за спину и сцепив пальцы в замок (этот жест одновременно демонстрировал и открытость, и неоспоримое превосходство), я произнёс, как мне казалось, совершенно убедительно:

— Не знаю, как у вас там на работе происходит, но у меня каждое утро проводится оперативное совещание. Если меня нет, то мой заместитель должен провести его в моем кабинете. Таково моё распоряжение.

— Ты считаешь это нормальным? — не унимался Стас.

— Да, потому что это моё решение, — твердо ответил я.

— Интересно, как у вас тут всё устроено, — он окинул взглядом стоящих рядом со мной сотрудников, затем повернулся к следователю, который неподвижно ждал, когда мы же зайдём в это долгожданное помещение.

— Открывайте дверь, — бодро продолжил Стас и отступил, освобождая мне место для прохода.

Поскольку мои ключи хранились в дежурной части, а мы спешно прошли мимо нее, открыть дверь мне было нечем. Я повернулся и молча посмотрел на своего зама. Он не сразу понял, что нужно делать, и просто стоял, уставившись на меня. Пауза в несколько секунд протрезвила его мозг — он вздрогнул, словно только что проснулся, и быстрым шагом направился ко мне:

— Ключи же у меня, не сразу вспомнил, — сказал он, вставляя ключ в замок.

Я наблюдал за движением его рук — они выдавали волнение: «Да, когда он уже повзрослеет? Наверное, никогда». Мне захотелось улыбнуться этой мысли — ведь именно я сделал его заместителем.

Дверь открылась с привычным скрипом. Мой кабинет. Мой стол. Мои бумаги. Все такое родное и уже такое чужое. На секунду мне показалось, что я вижу себя со стороны — будто смотрю фильм, где главного героя вот-вот арестуют. Только это не фильм. И герой — я сам.

Все спокойно вошли внутрь, включая понятых. Я зашел последним — мне некуда было торопиться.

У Стаса снова появился повод для возмущения:

— А где компьютер?! Почему стол пустой?!

«Да когда ты уже уймёшься!» — едва сдерживая смех, подумал я. «Ещё чуть-чуть, и мне придётся прекратить этот цирк. Сесть на первый попавшийся стул и рассмеяться при всех, выпалив: „Может, хватит пыжиться? Всем всё понятно, и только ты тут задаёшь кучу нелепых вопросов. На кого впечатление-то произвести пытаешься?“»

— У меня его нет. Мне не нужен на столе компьютер. За меня печатают специальные люди, которые получают за это зарплату, — медленно и негромко ответил я.

— У тебя же был раньше компьютер! Он здесь стоял.

Глаза Стаса метались по комнате, как пойманная муха между оконных стекол — вот он смотрит на следователя, вот бросает быстрый взгляд на понятых, вот на мгновение останавливается на мне. Каждое это движение говорило о его волнении и страхе, что всё может пойти не так, как было обещано и запланировано.

Я едва сдерживал предательскую улыбку, ощущая, как уголки губ непроизвольно подрагивают. «Так вот зачем ты ко мне в кабинет заявился накануне, — пронеслось в голове, — под

маской проверяющего, с этим деланно-равнодушным видом. Сидел тут рядом со мной за столом, про полиграф в уши мне заливал. Служебные документы изучал, якобы нарушения искал. Ух, ты... Разведчик. А тут облом вышел: и стол чистый, и бумаг на нем нет. Уверен, у тебя сложилось впечатление, что я знал заранее и всё к твоему приходу подготовил и почистил».

Ощущая, как в груди разливается тёплая волна, я поймал себя на том, что мне почти направится эта опасная игра.

«Так-так... Получается, я сумел выбить почву из-под ног у этого наглеца», — мои губы чуть подрагивали, но не от страха, а от едва сдерживаемого торжества.

В это время следователь медленно, как удав перед броском, наклонился вперёд. Его пальцы сложились в замок — верный признак пробудившегося интереса.

«Всё... Всё получилось даже лучше, чем я рассчитывал», — ликовало моё сознание.

Но внешне — ни единого лишнего движения. Лишь чуть участившееся дыхание, которое можно было списать на волнение. Главное — не сорваться сейчас. Не выдать себя. Пусть думают, что я просто напуганный обыватель. Ведь игра только начинается.

Мой взгляд скользнул по столу, где вместо ожидаемого компьютера выстроились три старомодных телефонных аппарата. Их массивные корпуса, потёртые диски и спутанные провода создавали почти комичный контраст с тем, что искал Стас. Я намеренно задержал на них взгляд на секунду дольше необходимого, давая понять: его возмущение прошло мимо меня, как ветер мимо скалы.

— Может, раньше и был... — начал я, нарочито медленно подбирая слова, будто перелистывая страницы воображаемого досье. Голос звучал приглушённо, с лёгкой хрипотцой человека, привыкшего говорить тихо, но весомо. — А сейчас — нет.

Я сделал паузу, позволив словам повиснуть в напряжённом воздухе. Пальцы непроизвольно сомкнулись в замок — жест, который можно было принять за нервозность, но который на самом деле сдерживал удовлетворение.

— Мне хватает иных задач, — продолжил я, слегка склонив голову, будто доверяя важную тайну, — кроме как что-то печатать.

Последние слова я окрасил едва уловимой иронией, подчёркивая абсурдность предположения. Затем, выдержав очередную паузу, добавил, намеренно переходя на канцелярский тон:

— А документы... я могу читать только с бумаги. Особенно... — здесь я искусно задержал дыхание, а после продолжил, — секретные.

В углу рта дрогнула почти незаметная улыбка — настолько мимолётная, что её можно было принять за игру света. Но я знал, что сказал ровно столько, сколько нужно — достаточно, чтобы посеять сомнения, но недостаточно, чтобы дать повод для новых вопросов.

— А я думаю, что компьютеры убрали специально перед нашим приходом, и поэтому кабинет не опечатан, — с нескрываемым возмущением продолжал Стас.

— Но тогда, Стас Геннадьевич, вы должны знать, где стоял он. Как вы думаете, на столе там должно быть видно след от резиновых уплотнителей, которые есть на ножке компьютера, или как там она называется? А ещё должен быть след от пыли. Проверьте.

Дальше я не стал развивать мысль — она явно приобрела бы оскорбительный характер. А зачем мне это? Глупо провоцировать того, кто обладает большими законными правами, чем ты, и кто держит в руках возможности причинить тебе страдания, а ты не можешь ответить тем же.

Стас демонстративно и молча осмотрел мой стол, затем, ничего не сказав, посмотрел на дверь слева от моего кресла:

— А там что?

— Комната отдыха, — без раздумий и пауз ответил я.

За нашим диалогом с видимым интересом продолжал наблюдать следователь. Он уже успел разложить свои документы на краю моего массивного стола — поближе к выходу, где собрались понятые и сотрудники, готовые в любой момент проявить «силовую поддержку».

Его портфель громко шлёпнулся на пол. Сложно сказать, было ли это намеренной попыткой разрядить обстановку или просто неловкостью, но эффект получился — все взгляды мгновенно переключились на него. Стас резко замолчал, застыв в ожидании очередной команды. Однако следователь лишь раздражённо поморщился, явно не оценив эту демонстрацию преданности.

— Проведите осмотр комнаты отдыха вместе с... — он ткнул шариковой ручкой в сторону молодого оперативника, затем перевёл взгляд на Стаса. — А вы, Стас Геннадьевич, подойдите — нужно поставить подпись.

Ручка с лёгким стуком упала на стол. Стас мгновенно переключился, забыв о своих претензиях ко мне — теперь все его мысли занимало «важное поручение» следователя.

Мы с незнакомым сотрудником переступили порог комнаты отдыха, и меня ослепило. Солнечные лучи, густые и тягучие, словно растопленный янтарь, заливали всё вокруг, превращая пространство в золотистый аквариум. Они струились по желтым стенам, пульсировали на полированной поверхности столика, высвечивая каждую микроскопическую пылинку, заставляя их танцевать в воздухе медленным, гипнотическим вальсом.

Я застыл в дверном проеме, чувствуя, как ладонь непроизвольно сжимает дверную ручку. Этот свет, этот теплый уют — всё было таким знакомым, таким своим. Столько раз я видел эти солнечные зайчики на потрескавшемся ламинате, столько раз ловил себя на том, что слежу за кружающимися пылинками, когда затягивались беседы...

Теперь же я смотрел на всё это, как на картину в музее — можно любоваться, но нельзя прикоснуться. Мир оставался прежним, но уже не моим. Даже воздух здесь пах иначе — не кофе и бумагой, а чужим парфюмом и чем-то ещё, чужеродным: потом и усталостью.

Сотрудник сделал шаг вперед, и солнечный луч, разорванный его силуэтом, на мгновение осветил его лицо. В его глазах я прочитал то, что боялся увидеть — это была не просто комната отдыха. Это был портал между прошлым и тем, что ждало меня теперь.

Я глубоко вдохнул, впитывая этот последний глоток привычного мира, и переступил порог.

Диван у стены, на котором я так часто отдыхал после напряженных совещаний, сейчас казался чужим. Белый чайник на журнальном столике — тот самый, из которого мы пили чай — стоял немой свидетелем происходящего. Казалось, ещё вчера здесь кипела работа, звучали шутки, решались важные вопросы... А сегодня — гул тяжёлых ботинок незваных гостей, шелест перебираемых бумаг, скрип пера следователя в протоколе и сдавленные вздохи понятых.

Оперативник начал методично перебирать содержимое полки. Его движения были точными, выверенными — видно, что человек знает свое дело. Сначала он осмотрел нижнюю полку с посудой: мою любимую кружку с гербом управления, пачку дорогого кофе, который я берег для особых случаев, аккуратно уложенные столовые приборы. Каждую вещь он брал в руки, внимательно изучал, затем также аккуратно возвращал на место.

Когда он перешел к верхней полке, моё дыхание почему-то участилось. Там хранились служебные документы, несколько книг по юриспруденции, папки с личными записями. Его пальцы скользнули по корешкам книг, задержались на толстой папке с моими рабочими заметками. В этот момент я невольно сглотнул — в этих записях были мысли, идеи, размышления о работе, которые теперь попадут в чужие руки, будут изучены, разобраны по косточкам...

Оперативник вытащил одну из папок, открыл ее. Его глаза пробежали по верхнему листу, затем он бросил короткий взгляд в мою сторону — оценивающий, изучающий. Мне стало не

по себе от этого взгляда, словно я был не человеком, а просто объектом исследования, частью какого-то дела, номером в протоколе.

За окном пролетела птица, на мгновение отвлекая меня. Как же нелепо все это выглядело со стороны: солнечный день, прекрасная погода, а в кабинете разыгрывается такая мрачная сцена. Я поймал себя на мысли, что мне почти жаль этих оперативников — они выполняют свою работу, но разве можно вот так, среди бела дня, врваться в чью-то жизнь, переворачивать все вверх дном?

Молодой опер продолжал методичный осмотр. Каждый листок, каждая записка подвергались тщательному изучению. Иногда он что-то показывал своему напарнику, они перешептывались. Я стоял и наблюдал, как постепенно разрушается мой рабочий мир, как чужие руки роются в моих вещах, в моей жизни... И самое страшное было в том, что я ничего не мог с этим поделать.

«Эх... — мысленно усмехнулся я. — Как лихо рвался сегодня Стас в мой кабинет! Совсем не тот осторожный паренек, как в прошлом, который боялся и шагу ступить без одобрения начальства. Теперь — пожалуйста: готов дверь с петель снести, лишь бы первым ворваться. И даже не потрудился спросить разрешения — видимо, стал себя чувствовать большим начальником».

Эта мысль напомнила мне о тех событиях десятилетней давности, когда мы работали по группе мошенников, подделывавших SIM-карты и оказывавших нелегальные услуги международной связи. Мы вычислили офис, где программировали эти карты — крохотное помещение в бизнес-центре, забитое компьютерами и специализированным софтом. Дело было громкое, поэтому в группу включили молодого сотрудника ФСБ — того самого Стаса.

Мы со следователем подошли к запертой двери, решили вскрывать помещение. Вызвали представителя управляющей компании, понятых. Инструментов под рукой не оказалось, а дверь выглядела хлипкой — я предложил выбить её ногами. Дружно принялись ломиться. Грохот разносился по всему этажу, из соседних офисов высовывались любопытные, но никто не задавал вопросов — видимо, все знали, чем занимаются за этой дверью.

Когда дверь поддалась, мы увидели, что информация не подвела: на столах и полу — антенны, ноутбуки, приборы, пачки SIM-карт и старые кнопочные телефоны и ещё много чего интересного, имеющего отношение к делу.

А Стас... Стоял в стороне, уткнувшись в телефон, и нудно спрашивал у начальства:

— Можно мне входить? У них постановление есть... Я официально в составе группы...

Так я могу зайти? — шёпотом говорил он.

Пауза. Затем снова:

— Они дыру в двери проделали, сейчас ломают — это нормально?

В трубке вдруг раздался повышенный голос, слышный даже нам:

— Да не тупи ты! Документы видел? Если всё по закону — действуй по обстановке!

Стас прижал телефон к уху, но было поздно — разговор стал достоянием всей группы. Не дождавшись ответа (начальник, видимо, бросил трубку), он сунул телефон в карман и так и не переступил порог — только заглядывал внутрь с видом знатока.

Я смотрел на него с недоумением. Как можно стоять в стороне, когда нужно осматривать технику? Да и аппаратура-то интересная, необычная...

— Стас, заходи! — нарочито громко сказал я.

— Нет-нет, — замахал он руками. — Мне и так всё видно. Ничего нового. Вы и без меня справитесь.

Мы переглянулись, переминаясь с ноги на ногу. Даже представитель управляющей компании ухмыльнулся. Понятых не видел — не знаю, как они отреагировали...

Почему-то это событие вспомнилось мне в мельчайших подробностях. Возможно, у меня было для этого время, а может, обстановка навеяла такие детальные воспоминания. Но суть не в этом.

Я помню, как смотрел на Стаса, стоявшего в сторонке с важным и смелым видом, на безопасном расстоянии, и думал: «Вот ты пришел на мероприятие, к людям, ты представитель сильнейшей организации, а от тебя пахнет не свежестью. Я, конечно, понимаю: все устали, нервничают, в помещении жарковато, можно вспотеть, но ведь от тебя несет чем-то застоявшимся, невымытым. Вроде рубашка выглажена, и пиджак не мятый... Волосы... Ну, ты бы хоть на них обратил внимание. Они же давно не видели шампуня. Хорошо хоть, что перхоти нет, а то вообще было бы из ряда вон. Вот не могу я этого понять. И почему я испытываю этот испанский стыд?»

Следователь отвлек меня просьбой принести какой-то прибор из дальнего угла комнаты. Штука оказалась тяжелой и пыльной: «Вот же незадача, все руки испачкал», — подумал я. Таковы недостатки нашей работы.

«Интересно... — я представил ситуацию у себя в голове, — как с тобой спит жена? Ты же приходишь домой уставший, раздеваешься и ложишься в постель вот так — не очистив тело, не помыв голову? Ну ладно, тебе, может, это и неважно, но как же ей с тобой?» Этот вопрос всерьез меня озадачивал.

Вернувшись в реальность и захлопнув дверь воспоминаний, я вышел из комнаты отдыха в кабинет и вновь посмотрел на Стаса, но уже под другим углом: «Да, прошло столько лет, а ты не изменился. Та же прическа, волосы, избегающие мыла, и следы волнений на твоей одежде, видимо, уже въелись надолго. Хотя нет... Пожалуй, кое-что изменилось: ты, насколько мне известно, уже не женат. Может, поэтому ты такой неудовлетворенный? А нет... Ты таким родился и работаешь там, где тебе и место».

В кабинете люди спокойно сидели на стульях. Кто-то разглядывал телефон, а кто-то просто смотрел в потолок в ожидании конца. Все было тихо и умиротворенно. Это радовало.

«Вот же не повезло, — подумал я. — Попался на моем пути такой упрямый товарищ. Что я ему такого сделал? Не могу понять. По сравнению с коллегами относился к нему с пониманием — не унижал, не принижал. Можно сказать, даже проявлял уважение. Но, видимо, этого было недостаточно. А может, все совсем иначе. Нападают на тех, кто в силу своей воспитанности ведет себя сдержанно, и невеждам кажется, что такой человек слаб и не способен дать отпор».

Тишина в комнате отдыха была нарушена рикошетиющим перезвоном упавшей фигуры. Я замер на пороге, наблюдая, как белый конек, подпрыгнув ещё раз, закатился под стол.

Молодой оперативник, проводивший обыск, балансируя на стуле, копошился у верхней полки. Его поза была нелепой — вытянутая шея, неестественно поднятые плечи, будто он не просто осматривал полку, а заглядывал в какую-то параллельную реальность.

— Артём Николаевич, вы любитель поиграть в шахматы? — его голос прозвучал нарочито легко, но спина напряглась ещё сильнее.

Я молча поднял коня, ощутив под пальцами холодный пластик. Фигура была увесистой и чувствовалась в руке.

— Иногда играю, — ответил я, намеренно не уточняя, с кем именно. Пусть гадает — с коллегами или с самим собой.

Он слез со стула, держа в руках шахматную доску. На его ладонях остались четкие отпечатки пыли — видимо, набор стоял нетронутым месяцами.

— Красивые, — пробормотал он, проводя пальцем по клеткам. — Старые, ручной работы... Зоновская, наверное.

Я видел, как его взгляд скользил по фигурам, выискивая что-то. Эта наигранная небрежность, эти наводящие вопросы... Казалось, он всерьез верит, что я храню улики в шахматной коробке.

— Возьмите с собой, если интересно, — сказал я. — Только коня не забудьте.

И протянул ему белую фигурку.

Он замер, не решаясь взять. В его глазах мелькнуло что-то — растерянность? Раздражение?

— Нет, что вы... Мы же не... — он запнулся, внезапно осознав абсурдность ситуации.

Он медленно поднял на меня взгляд, с видимым усилием оторвавшись от доски и ее содержимого. В глазах мелькнуло понимание: «Вот же жук, подловил... Сыграл на моей слабости. Откуда он мог знать про моё увлечение? Не может быть... Наверное, просто случайно попал в точку. Шутник чёртвов...»

Я улыбнулся ровно настолько, чтобы он понял: игра, в которую мы играем, куда сложнее шахмат. И фигуры здесь — совсем другие.

— Думаю, это наследство покойного начальника этого управления. Он любил подобные вещи собирать. Ко мне это не имеет отношения.

Оперативник ничего не ответил и продолжил осматривать шахматы.

— Вы так много уделяете внимания этому предмету, — продолжил я, — что у меня зарождаются опасения. А нет ли там чего-то запрещенного?

— А где ещё черный король? — спросил он.

— Понятия не имею.

— Хорошо.

— Может, продолжим? — спросил я.

— Продолжим....

Он поставил доску обратно на полку. А конь так и остался у меня в руке — маленький, холодный, с едва заметной трещиной на основании.

Как и все в этом кабинете — вроде целое, но при ближайшем рассмотрении — уже надломленное.

Тяжело вздыхая, оперативник взял стул и придвинул его поближе к шкафу, забрался на него, приподнялся на носочки.

— Ух ты... А что это у нас тут такое интересное? Коробочка...

Он достал то, что привлекло его внимание. Это была картонная коробка, наполненная старыми аудиокассетами.

— Что здесь записано? — с улыбкой и горящими глазами, будто нашел клад с золотом, спросил оперативник.

— Записи того, чем занимается моё управление. Я полагаю...

— И чего мы это тут храним? — прозвучал ехидный вопрос.

Он внутренне ликовал. Это был его триумф. Ему удалось найти то, что, по его мнению, сравнимо с малой информационной бомбой. «Это теперь его точно прикончит», — думал он, смотря на меня обжигающим взглядом. «Сейчас оформим, и если там ещё то, о чем я думаю, тогда всё, точно конец — и похоже, не только ему».

— Тот, о ком вы говорите, уже давным-давно покинул этот мир, — прокомментировал я, сохраняя хмурый вид лица.

Он стремительно направился к следователю.

— Это я нашел на самом верху шкафа в комнате отдыха, — громко и четко заявил оперативник, демонстрируя коробку.

— Ого, как много тут кассет, — отреагировал следователь. — Продикуй, где именно ты это нашел.

Опер отрапортовал во всех подробностях.

— Вы, Артём Николаевич, можете что-то пояснить о содержимом этой коробки?

— Понятия не имею, что это и откуда оно здесь взялось, — таков был мой ответ.

Что тут скрывать — эти кассеты взволновали меня. Зачем это все хранить у себя в кабинете? Интересно, кто из предыдущих начальников это сделал? Ответа у меня не было. Факт оставался фактом — кассеты найдены, оформлены и будут приобщены к делу. Я посмотрел на лица присутствующих. Они были уставшими.

Стас подошел к моему столу со стороны, где был открыт доступ к тумбе. Выдвинул верхний ящик. Там лежали ручки, чернила, пара карандашей, точилка и немного мелочи. Это была моя полочка. Остальные два ящика мне не принадлежали — там хлам от предыдущих руководителей, который я не осмеливался выбросить. А может, было просто лень или не хотелось тратить на это время.

— Есть что-то ещё запрещенное в этой тумбе? — спросил он с серьезным выражением лица.

— Провокационный вопрос, Стас Геннадьевич. А у меня найдено что-то запрещенное?

Его губы растянулись в едва уловимой, но отчетливой улыбке — той самой, что появляется у охотника, когда добыча наконец попадает в капкан. Плечи расправились, подбородок горделиво приподнялся, и я почувствовал, как по спине пробежал холодок предчувствия. Его взгляд скользнул влево и замер на аккуратной стопке документов в углу моего рабочего стола — том самом месте, где годами складывались бумаги на подпись: служебные записки, приказы, ничего особенного...

Стас взял папку с привычной мне легкостью, будто всегда знал, где что лежит в этом кабинете. Его пальцы листали страницы с методичной неторопливостью — каждую секунду этого мучительного просмотра я чувствовал кожей. Большинство документов он откладывал сразу, но вот один лист заставил его замереть. Бумага формата А4, текст только с одной стороны... Что там могло быть? Мозг лихорадочно перебирал варианты, но ничего криминального вспомнить не удавалось.

— Объясни вот это... — его голос прозвучал неестественно громко в напряженной тишине кабинета. Он протянул мне лист, и я увидел знакомый бланк — выдержка из секретного приказа.

Стас посмотрел на меня с плохо скрываемым торжеством, а после продолжил:

— Ты для кого-то конкретного готовил этот документ? — его голос звучал почти сладострастно. Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Объяснять это сейчас было бесполезно. В его глазах я уже прочитал приговор — они нашли свою зацепку. Обычная бумага, выступающая подсказкой для работы, превратилась в «нарушение режима секретности». Я медленно выдохнул, понимая, что именно этот ничем непримечательный листок бумаги может стать тем самым гвоздем, которым они воспользуются для моего поспешного увольнения. Солнечный свет за окном вдруг показался мне издевательски ярким, подчеркивая абсурдность ситуации.

— Часть секретного приказа, — почти шепотом ответил я.

— Это я и сам вижу, — довольно улыбнулся он. — Будем изымать?

Наш разговор, наверняка, никто не слышал. Мы были вдвоем в этой части кабинета. Остальные теснились ближе к выходу — там было больше стульев.

Я встал с кресла, выпрямил спину и глубоко вдохнул. Голове стало легче. Повернулся к следователю, который сидел, увлеченно описывая кассеты. Его ручка шуршала по бумаге. Он откладывал её, когда брал кассету для осмотра, затем снова принимался писать. Молодец парень. Молча делал свое дело. Спешил поскорее закончить и убраться отсюда. Правда, ему ещё предстоял мой допрос.

Это все понятно, но нужно было что-то делать с этим злосчастным листком. «Ну надо же так опростоволоситься — оставить его на столе. Хотел же уничтожить. Почему сразу не сделал?

А теперь за эту ерунду можно вылететь со службы как пробка из шампанского. Никто даже придерживать не будет. Нет, я совсем не планирую быть уволенным. Надо найти выход, и в этом выходе не должно быть места подставе того сотрудника, который написал этот документ».

Мои мысли кружились, как хищные птицы над полем, выискивая малейшую лазейку, тот единственный выход, который оставит меня невредимым. И вдруг взгляд наткнулся на него — маленький, но яростно белеющий скол на темно-бордовой поверхности стола.

Пальцы сами потянулись к повреждению, но я вовремя остановил себя. Вместо этого сосредоточился на контрасте — ослепительно белое на благородном бордо. Именно так я должен был действовать: найти уязвимое место в этой безупречной на первый взгляд ситуации и ударить туда, используя контраст между ожидаемым и реальным.

Скол напоминал мне — ничто не идеально. Даже этот массивный стол, символ власти и стабильности, имел свои слабые места. Оставалось лишь найти такой же изъян в выстроенной против меня конструкции.

Я медленно провел ладонью над поврежденным местом, не касаясь его, чувствуя исходящую от него странную энергию. Этот невзрачный дефект стал моей новой точкой опоры.

В звенящей тишине моего сознания послышались звуки приходящих мыслей: «Так... Стас спросил, будем ли мы изымать документ? Значит, изначально он не был настроен на это. Возможно, ему нужно что-то взамен. А что я могу ему дать в своем положении? Не деньги же предлагать?» — от этого я непроизвольно улыбнулся, но так, чтобы не было видно моих зубов. «Не стоит бояться просить о снисхождении. Конечно, нельзя увлекаться такими вещами, иначе они станут бесполезны. Но один раз то можно. Тут важно не умолять, а предложить сделку, показать, что у них уже более чем достаточно, и зачем тратить время на эту мелочь. Главное — обесценить в их глазах то, что они хотят изъять».

Я посмотрел на Стаса, который стоял рядом в ожидании моей реакции:

— Зачем вам это? У вас уже так много всего. Вон и кассеты с записями разговоров — целая коробка. Следовательно до сих пор их описывает.

— Уже закончил, — улыбнулся он мне в ответ.

— Так-то оно так, но сколько вами забрано дома? Что вам даст эта бумажка? Моя карьера закончена, и это понятно уже всем. Я так понимаю, вы уже видите меня в других местах, где нет свободы. Это лишь вопрос времени, и вряд ли оно будет долгим. Учитывая, что занимается мной ФСБ.

Стас всё это время смотрел на меня. Выслушав, он поднял злосчастный лист, ещё раз посмотрел на него, потом на следователя (тот был занят своим делом и, конечно, не слышал нашего разговора), затем молча протянул его мне:

— Забирай, это ерунда.

— Спасибо, — тихо ответил я, взял лист и быстрым шагом направился к шредеру.

Зашумел аппарат, пожирая бумагу. Прекрасное зрелище, когда видишь, как безвозвратно исчезают доказательства твоей ошибки. «Вот и всё, — выдохнул я. — Мои ноги устали. Они какие-то ватные, что ли». Эта мысль убедила меня вернуться за стол, точнее, к креслу. Я погрузился в него. Оно стало каким-то мягким и удобным. Ноги сказали «спасибо». Интересный организм у человека — терпит до последнего, а потом выключается.

Чувство, что следственное действие скоро закончится, усиливалось. Уже никто ничего не искал, не рылся в моих вещах. Все сидели на стульях (благо, их хватало) и ждали, когда следователь закончит.

Шредер щелкнул, переходя в спящий режим. Я посмотрел на него: «Молодец, аппарат, справился на отлично. Что бы я без тебя делал? Да, это моя победа. Манипуляция сработала. Так что не стоит бояться аргументированно просить. Главное — объяснить оппоненту, что твое предложение не навредит его делу. Показать, что он в лучшем положении, чем ты, и только

он может помочь. Амбиции — волшебная вещь, особенно у тех, кто в погонах. На них можно играть, как по нотам. Важно не переборщить».

Как-то тихо. В коридоре спокойно. Вероятно, моим сотрудникам изрядно надоело это мероприятие, и они разошлись по своим местам обсуждать моё будущее и будущее управления. Наверняка, найдутся те, кто желает самого наихудшего исхода. Эти заводи́лы опасны — они несут смуту в коллектив.

«Надо будет после провести проверки, выявить таких паразитов и постепенно избавиться от них. Очистить ряды. Да. Точно. Поставлю задачу отделу безопасности и кадровику. Будет чем заняться», — улыбнулся я и посмотрел на часы.

Наконец следователь нарушил тишину:

— Я заканчиваю. Ещё пять-семь минут — и все, будем выдвигаться.

От этих слов все оживились. Я, довольный, обратился к присутствующим:

— Что-то ещё вы планируете делать в моем управлении?

— Ничего, — ответил следователь, не отрывая взгляда от листа. Он медленно поднял его до уровня глаз, будто читая про себя, затем радостно добавил: — Понятые, подойдите и распишитесь здесь, — он показал ручкой место для подписи.

Двое пожилых людей быстро встали со своих мест и направились к столу. У меня сложилось впечатление, что они вовсе не старые, а просто прикрывались масками стариков.

— Вот как бывает, когда задницу отсидишь от безделья, — я лишь развел руками — что тут скажешь? Когда против тебя работает целый театр, остается только наблюдать за представлением.

Солнце, все ещё заливавшее кабинет своим ярким светом, вдруг показалось мне издевательски веселым. Оно освещало эту абсурдную сцену, словно софиты на сцене — вот «старички», вот важничающий Стас, вот я в роли главного злодея... Жаль только, зрителей мало — ну да это они ещё успеют исправить.

Когда все участники поставили подписи, а вещи, подлежащие изъятию, были упакованы в отдельные мешки и готовы к отправке, следователь произнес долгожданную фразу:

— Ну что, теперь в нашу контору?

ГЛАВА 3

О чем ты думаешь

Машина медленно въехала на закрытую территорию ФСБ. Я смотрел в окно, отмечая каждую деталь этого места, куда мне никогда прежде не доводилось попадать. Мы остановились у заднего входа — не приметной двери.

Стас вышел первым, его движения были отработаны до автоматизма. Я последовал за ним, ощущая, как бетонный пол впитывает звук наших шагов. Небольшая лестница компенсировала перепад высот — практичное решение, лишённое всякой эстетики. В холле царила полутьма, лишь слабый свет падал на пост дежурного, где посетителям предписывалось оставлять телефоны. Эти «безопасные» ящики вызвали у меня горькую усмешку — кто всерьёз верит, что содержимое останется неприкосновенным?

Мы миновали пост, свернув к центральной лестнице. Поднимаясь на второй этаж, я отмечал мрачную обстановку: единственное окно едва освещало длинный коридор, стены которого украшали потёртые плинтусы с разводами от небрежной уборки. Полосы грязи вдоль стен говорили о многом — здесь ценили лишь видимость порядка.

Двери кабинетов, хоть и одинаковые, выглядели чужеродно на фоне облупившихся стен. Следы неаккуратного монтажа бросались в глаза — трещины, сколы, неровные стыки. Казалось, само здание сопротивлялось попыткам его обновить.

На Т-образном перекрёстке мы свернули направо. Здесь было светлее — высокие окна наполняли пространство неестественно ярким для этого места светом. Мой взгляд упал на пол: под ногами оказалась старинная плитка, сохранившаяся вопреки времени и нелепому линолеуму, которым её закрыли. Какая ирония — настоящее качество скрыто под дешёвой современной отделкой.

Узкая лестница на третий этаж вызвала у меня недоумение. «Как можно было спроектировать такое?» — спросил я у Стаса. Его равнодушный ответ — «пережиток прошлого» — лишь подчеркнул абсурдность ситуации: мы находились в месте, где решаются судьбы людей, а архитектурные нелепости остаются неизменными десятилетиями.

Последним препятствием стала массивная арка — немой свидетель прочности старых строений. За ней располагалось следственное подразделение. Лавочка у стены с прикрученным к полу основанием навевала невесёлые мысли о том, какие сцены здесь разыгрывались ранее. Но сегодня спектакль был другим, и главную роль в нём играл я.

«Посиди здесь», — сказал Стас и указал на это, так называемое, седалище.

Я кивнул в ответ и медленно опустился на лавочку, стараясь не помять костюм. Аккуратно расправил брюки, разгладил пиджак — даже в такой ситуации привычка выглядеть достойно не покидала меня. Когда шаги оперативников затихли в коридоре, наступила гнетущая тишина. Я остался один в этом мрачном пространстве, где даже воздух казался тяжелым от многолетней бюрократии и страха.

Пальцы сами потянулись к обручальному кольцу. Я крутил его, ощущая знакомые царапины и вмятины — следы нашей с Настей совместной жизни. «Надо бы отполировать», — мелькнула мысль, и я невольно улыбнулся. Но улыбка застыла на лице — вокруг не было никого, кто мог бы ее увидеть.

Подняв голову, я увидел портреты на стенах — те самые, с холодными глазами и железными подбородками. Они смотрели на меня сверху вниз, будто оценивая новую жертву системы. Окна в конце коридора пропускали так мало света, что казалось, будто само время

остановилось в этом месте. Полумрак сгустился, смешиваясь с тенями от портретов, создавая ощущение, будто я попал в ловушку между прошлым и настоящим.

«А что, если просто встать и уйти?» — мысль вспыхнула, как спичка в темноте. Но тут же погасла под тяжестью реальности. Без пропуска здесь не сделаешь и шага. Даже если бы мне удалось выбраться — они найдут, приведут обратно, уже с наручниками. Я крепче сжал кольцо в ладони, ощущая, как реальность смыкается вокруг, как стальные тиски.

Стало душно. Снял пиджак, ослабил галстук — здесь уже не до формальностей. Капля скатилась по спине, и я с отвращением представил, как могу уподобиться тем самым операм с их кислым запахом пота. Нет, только не это. Хотя... какая теперь разница? В этом месте все равны перед системой — и чистюля, и неряха.

Я закрыл глаза, пытаюсь представить Настю, наш дом, сына... Но образы расплывались, вытесняемые серыми стенами и безжалостными взглядами с портретов. Осталось только ждать. Ждать и не давать страху окончательно затмить разум. Хотя с каждой минутой это становилось все труднее.

Донеслись звуки женских каблучков, издаваемых от ударов обувной набивки об каменный пол.

«Как они вообще работают среди этих деятелей прошлого? Видимо, деньги и власть занимают не последнее место в их системе ценностей... да и женщины тоже». Эта мысль заставила меня непроизвольно скривиться, будто в воздухе повис неприятный запах.

«Да... Власть — лучший дезодорант, — язвительно подумал я. — Она маскирует любой запах, даже запах продавшейся души».

Нос сморщился сильнее, будто я действительно ощутил в воздухе привкус разложения — не физического, а того, что разъедает изнутри.

Резко развернулся к окну, делая вид, что меня заинтересовал вид на город. На самом деле мне нужно было всего на мгновение закрыть глаза, чтобы стереть эту гримасу отвращения.

Когда же я снова обернулся, лицо было абсолютно спокойным. Таким, каким его ожидали видеть в этих стенах.

Кто-то громко засмеялся в коридоре, и послышались голоса троих или четверых мужчин. «Что здесь может быть смешного? В этих стенах и при такой работе? — подумал я, — смейтесь, смейтесь».

Они что-то обсуждали, но, к сожалению, отражающий звук от стен создавал эхо, которое не позволяло разобрать, о чем у них шел разговор.

Дослушав до конца и приняв вновь в свои уши тишину, я сложил руки в замок, уперся локтями в ноги рядом с коленями, большие пальцы прижал к губам, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух:

«Так, оставим осмотр коридора. Надо подготовиться к допросу. Ты впервые будешь сидеть напротив следователя как участник процесса. К такому жизнь тебя не готовила. А разве можно такое предположить и подготовить себя? Конечно же нет, — продолжал я размышлять. — Тебе же, Артём, приходилось много раз бывать на допросах, и ты прекрасно знаешь, как это проходит, что чувствуют все участники и как они реагируют на разные ситуации. Надо сформировать у себя в голове подобие каких-то правил и им безукоризненно следовать. Я знаю, так легче. Экспромта в ходе допроса и так будет хватать. Надо, чтобы ещё были и определенные правила поведения».

Ладони от волнения вспотели. Не люблю, когда они мокрые. Особенно когда протягиваешь руку для пожатия, ты в ответ жмешь ему руку и чувствуешь, что она влажненькая. «Фу, как неприятно и неуважительно, — меня немного передернуло от этого воспоминания. — А с другой стороны, почему бы и не пожать мокрой ладонью здесь кому-то руку. Как говорится, максимально показать свое отношение к окружающим и своему выдуманному собеседнику. Да кого я обманываю. Я уже со всеми здесь поздоровался. Руку жать больше некому». Освободив

свои пальцы из замка, я потряс немного руками, проветривая их. Ладоням стало прохладно. Набрал воздуха и с усилием подул на них. Это действие решило вопрос окончательно. Руки стали почти сухими.

Посмотрел на противоположную стену: она была покрашена на уровне полутора метров от пола зеленой масляной краской, а все остальное, включая потолок, побелено. Правда, от белого уже и не осталось следа. Какая-то дымка черного цвета лежала покрывалом на том, что должно было сиять белизной и чистотой. То ли здесь когда-то очень много курили, либо же просто вековая пыль медленно укладывалась на шероховатую поверхность стен.

«И они всем этим дышат каждый день... — про себя сказал я. — Артём, хватит проводить осмотр местности — это бесполезное для тебя дело, — взбодрил себя. — Надо заняться делом. Итак, формируем правила. Первое: чего нельзя делать в ходе допроса — это борзеть и грубить. Надо стараться не позволять обращение к себе в третьем лице. Если начнут так делать, сразу проси, именно проси, чтобы они так не обращались. Этот маневр четко покажет, что ты в курсе происходящего, адекватно отражаешь ситуацию и знаешь себе цену. Помню, как нас такая просьба опрашиваемого остудила и поставила на место. Конечно, вида мы тогда не подали, но то, что почувствовали, этого никто не отнимет. Далее, если будут бить (вряд ли, конечно, но все же), то закрываюсь сразу. Ни слова и точка. Это основано на том, что у них нечем тебя зацепить, а ты им этого не позволяешь. В этой ситуации всё в твоих руках. Выбор делать тебе. Но этот вариант маловероятен. Далее, сохраняй самообладание и ищи зацепку в беседе для манипуляций. Надо найти способ, чтобы к месту сказать, как я уважаю их работу, ценю её и знаю, насколько она трудна. Верю в справедливость и всю такую лабуду. Это сто процентов потешит их самолюбие. Пусть даже если вызовет улыбку на их лицах — не страшно, не критично. Проявляя адекватное уважение к сотрудникам, вполне вероятно получишь соответствующее отношение и с их стороны. Другого способа просто не существует. И в заключение, надо слушать каждый вопрос очень внимательно. Не поддаваться на доверительные беседы со следователем — этот маневр документируется на аудио, а потом оформляется как отдельное мероприятие и становится доказательством. Конечно, что и как говорить — тут ситуация сама за себя скажет. Заранее невозможно предугадать».

Из кабинета вышел следователь:

— Артём Николаевич, проходите.

Я молча поднялся и зашел в кабинет. Там было три стола и два компьютера. «Интересно, а ЭВМ засекречены в установленном законом порядке», — первым делом подумал я и улыбнулся.

Мне показалось, что нет, и при этом эти люди расследуют совершенно секретное дело. Ну, на окнах и стенах шумоподавляющие датчики точно отсутствовали, а это значит, что помещение не предназначено для ведения секретных переговоров. Однако мы будем именно этим заниматься в ближайшее время в ходе допроса. «Как все ловко и забавно устроено в этом мире, — возмутился я про себя, — эти люди требуют соблюдения приказов и законов в области режима секретности, а сами позволяют себе чуть больше, чем обычные смертные».

Медленно, с преувеличенной внимательностью окинул взглядом кабинет, будто оценивая обстановку перед долгим разговором. Пальцы правой руки обхватили спинку стула — холодный металл под ладонью, лёгкий скрип колесиков по линолеуму. Отодвинул его ровно настолько, чтобы между столом и коленями оставалось комфортное пространство. Не спеша опустил, чувствуя, как плотный поролон принимает вес тела.

Правый локоть нашёл своё место на краю столешницы — отработанное движение, чтобы рука не затекала, а подмышка оставалась сухой. Левая рука при этом свободно легла на бедро, пальцы слегка постукивали по колену — ненавязчивый ритм, помогающий сохранять мнимое спокойствие.

Допрос шёл размеренно, как река по давно проложенному руслу. Вопрос — пауза — ответ. Никаких резких движений, никаких попыток психологического прессинга. Следователь даже не повышал голоса, лишь изредка делал пометки в блокноте. Его ручка скрипела по бумаге, и этот звук почему-то казался успокаивающим.

Я ловил себя на мысли, что обстановка почти... дружелюбная. Ни намёка на обычные в таких случаях попытки запугать или принизить. Возможно, они просто ещё не решили, какую тактику выбрать. Или, что более вероятно, просто не видели во мне серьёзного противника.

Пальцы левой руки незаметно сжались в кулак, потом расслабились. Нужно было сохранять эту иллюзию покорности — пока она играла мне на руку.

В перерывах, когда следователь заполнял протокол, у меня было время поразмышлять: «Неужели все это происходит в действительности со мной? Кому я так перешел дорогу, что организовали такую тему с уголовным делом? Ведь можно было поговорить, обсудить, что и как. Мы бы обязательно пришли к общему знаменателю. Зачем все так сложно? А может, я себя недооцениваю, и эти силы прекрасно понимали, что я не пойду на договоренности или не соглашусь на их условия? А должность надо освободить. А возможно, всё гораздо проще, и я очередная „палка“ в статистической отчетности. Нет. Такое вряд ли возможно. Здесь что-то другое. Я инструмент, которым хотят ударить кого-то покрупнее. Значит, будут просить дать какие-то показания на свое руководство, обещая послабление по уголовному делу. Опять же, глупость. Я же юрист и работаю в системе уже не первый год. Обещания облегчить участь — это дешевый развод для непосвященных. Я сам так делал и не раз. Ну, что теперь гадать? Будем ждать и смотреть, что дальше».

Мой поток мыслей прервал следователь очередным вопросом. Он был незначимый для меня и не подходил под мои предыдущие размышления.

«Значит, не время», — подумал, закрыв глаза.

Я вышел из здания ФСБ с ощущением, будто с меня сняли тяжелые кандалы. Воздух, даже пропитанный городским смогом, казался невероятно свежим после затхлых коридоров с портретами чекистов.

Начальник принял меня сразу, без очереди — необычная привилегия в обычные дни. Его кабинет был залит солнечным светом, резко контрастируя с мрачными помещениями, где я только что находился.

«Ну что, выкрутился?» — спросил он, отложив папку с документами. В его голосе не было ни капли удивления — лишь легкая ирония, с которой он встречал все происходящее в управлении.

Я коротко изложил суть событий, опуская детали, которые он и так знал. Начальник кивал, иногда задавая уточняющие вопросы, но в целом его реакция была поразительно спокойной.

— Бывает, — сказал он в конце, — бумажная волокита, сам понимаешь. Всё утрясется.

Его уверенность была настолько заразной, что я и сам почти поверил, что это просто досадное недоразумение, которое скоро забудется.

По дороге к своему кабинету я ловил на себе взгляды коллег. Кто-то с любопытством, кто-то с опаской, некоторые даже подходили под благовидным предлогом, чтобы поинтересоваться моим самочувствием.

Сев за свой стол, я машинально провел ладонью по поверхности — привычный жест, который делал каждый день. Но сегодня он казался особенным, как будто я заново обретал свое место в этом мире.

Спустя пару часов спустился на первый этаж. Ворота гаражного бокса, примыкающего к зданию, оказались распахнуты настежь. Я вошел внутрь, пробираясь между рядами припаркованных служебных машин, пока не достиг комнаты для персонала.

— Товарищи офицеры, — раздался чей-то негромкий голос, и присутствующие медленно поднялись со своих мест.

Воздух в помещении был густым от табачного дыма, но сейчас меня это волновало меньше всего. Я улыбнулся, оглядел собравшихся и, заметив Женю, кивнул ему:

— Поехали, прокатимся. Чего тут сидеть без дела?

— Понял, — он тут же направился к выходу, деловито бросив через свое правое плечо: — Выходите на улицу, я сейчас выеду.

— Давай с той стороны, — указал я на запасной выезд.

— Хорошо...

Через минуту я уже сидел в машине и неожиданно заметил, что на заднем сиденье лежит тот самый пропавший коврик.

— Откуда коврик?! — рассмеялся я.

Женя обернулся и тоже ухмыльнулся:

— Нашелся в гараже. Вчера мыл машину, оставил сушиться на батарее — и забыл. Неловко вышло.

Я откинулся на сиденье, устремив взгляд в окно. Машина плавно тронулась с места, покидая территорию управленческого бокса. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь чуть запылённые стёкла, на мгновение ослепили меня.

— Ладно, — махнул я рукой. — Главное, что на месте.

Женя лишь кивнул, сосредоточившись на дороге. А я смотрел на проплывающие за стеклом здания, думая о том, как странно, что после всего, что произошло, мир продолжает жить своей обычной жизнью. Коврики теряются и находятся, машины моют, а люди все так же курят в подсобках. Но что-то все равно изменилось. И это «что-то» было во мне.

— Ничего страшного. Лишняя встряска для них была полезна. Ты неплохо разрядил обстановку и отвлёк этих так называемых товарищей от ненужных мне вопросов, — одобрительно заметил я, обращаясь к Жене.

— Куда едем? — спросил он.

— Подожди, мне надо сделать звонок. Вот ёмаё. Телефоны же изъяли, — улыбнулся я. — Евгений, дай свой, позвоню человечку одному.

ГЛАВА 4

Знакомство с нужными людьми

Набрал номер телефона своего товарища, который, по мнению следствия, якобы принял от меня бумаги с информацией, составляющей государственную тайну, и после передал их другому, третьему лицу. Бред, конечно, но именно это стало причиной всех проблем сейчас. И похоже, что ФСБ серьезно взялись за это дело. По-взрослому. Безусловно, никому эта тайна не нужна, и сам факт возможного разглашения также не имел особого значения. Здесь что-то другое. Иная цель. Взять что-то большее. Но мне пока это не понятно. Надо бороться и искать пути выхода. А как это делать? Не стрелять же в небо из ружья. Важно биться на правовом поле и руками закона.

На мой звонок никто не ответил. «Жаль, что так выходит и никто не берет трубку, — подумал я. — Надеюсь, что ты, Ваня, мой „деревянный друг“, занят, а не решил пропасть для меня. Может, тебя смутил незнакомый номер? Надеюсь...»

Я смотрел вперед сквозь лобовое стекло машины и, не отрывая взгляда от идущих вдалеке людей, не поворачивая головы, протянул Жене руку с его телефоном:

— Давай пока покатаемся немного. Надеюсь, мне перезвонит мой товарищ...

— Понял, — ответил водитель, и его машина начала свой ход.

«Ну где этот Иваша? Почему не звонит? Мне нужен адвокат, а ты мне можешь помочь с этим. У тебя-то точно есть связи с такими товарищами», — размышлял я, внутренне возмущаясь.

Наконец в кармане Жени зазвенел телефон. Он, не отрываясь от управления машиной, достал аппарат, взглянул на экран и протянул его мне:

— Кажись, это вас.

На том конце провода раздался знакомый голос Ивана — спокойный, чуть хрипловатый от утреннего недосыпа. После короткого обмена фразами мы быстро сошлись на кафе с замысловатым названием, которое ничего не значило, главное, что оно было в неприметном месте в переулке недалеко от центра, где обычно не бывало лишних ушей.

Я приехал первым, выбрав столик в дальнем углу зала, у высокого окна с потрескавшейся деревянной рамой. Через двадцать минут, ровно в назначенное время, в дверях появилась его коренастая фигура в каком-то сером пиджаке. Ваня окинул зал быстрым взглядом оперативника, заметил меня и тяжело опустился на стул напротив.

— Ну, рассказывай, — сказал Иван и положил на стол телефон экраном вниз. Затем сделал первый глоток кофе, который официант принёс до того, как он вошел в зал.

Я начал по порядку: утренний обыск, изъятые документы, туманные обвинения. Мой товарищ слушал, не перебивая, лишь изредка постукивая толстыми пальцами по столу. Его карие глаза, обычно насмешливые, сейчас были серьезны и внимательны.

Когда я закончил, он долго молчал, разглядывая трещину на стене за моей спиной. Потом резко встряхнулся, будто вынырнув из глубоких раздумий.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь грязное окно, скользнул по лицу Вани, высветив сеть мелких морщин вокруг глаз — следы многих бессонных ночей и стрессовых операций. В этот момент я впервые за день почувствовал, что не одинок в этой борьбе.

— Мне нужен адвокат, — сказал я. — Помоги или посоветуй кого-нибудь. У тебя есть защитник. Давай с ним поговорим.

— Вряд ли он захочет с тобой общаться.

— Это почему же?

— Ну, он тебя хорошо помнит. Ты его несколько лет назад не пускал в какую-то фирму, когда там вы проводили обыск. Вы закрыли перед носом дверь и не пускали цинично. А это был он... — от сказанного Иван улыбнулся.

— Да ладно, с кем не бывает... Это дела прошлых лет. И насколько я помню, там какого-то адвоката в конце всё же допустили. Так что всё нормально.

— Да, так и было. Но он хорошо помнит эту картину. Не раз рассказывал мне, как ему приходилось героически пробиваться сквозь заслон сотрудников с автоматами, стучать в окна и двери. Его бесили лица сотрудников, проводивших обыск — они насмехались над его безуспешными попытками пройти внутрь, к своим клиентам.

— Ты так говоришь... Клиентах... Складывается впечатление, будто это были люди, просто не платившие алименты, и в этом заключалось их преступление. Но эти товарищи обнальщики. Они выводили огромные деньги за рубеж. Мы их очень долго вычисляли. Ты даже не представляешь, сколько сил было потрачено на сбор информации, доказывающей их преступную деятельность. И вот в кульминационный момент мы должны всё испортить? Впустить адвоката, чтобы он начал мешать нашей работе? — подытожил я с улыбкой.

Ваня слушал без особого внимания и интереса. Он пил кофе и так откровенно разглядывал посетителей кафе, что мне всё стало понятно без слов.

— Ладно, я сейчас ему наберу. У него тут контора рядом. Если он придет — подождём, а если откажется... Тогда я не знаю...

— Отлично, звони, — сказал я.

Спустя полчаса к нам присоединился защитник — сухопарый мужчина в строгом костюме, с внимательными глазами, которые за толстыми стеклами очков казались ещё более проницательными.

Сначала он поставил на стол кожаную папку — не бросил, а именно поставил, с едва уловимой театральностью. Затем последовало рукопожатие — каждому. Его ладонь оказалась неожиданно теплой, сухой, с легким шершавым следом от постоянного контакта с бумагой.

Прежде чем начать говорить, он вытащил бумажную салфетку и тщательно вытер кольцо от кофе на столе — медленно, методично, как хирург, подготавливающий операционное поле. Только после этого ритуала он наконец заговорил.

И тут я понял две вещи. Во-первых, он знал о моем деле куда больше, чем можно было ожидать. Каждое его замечание попадало в цель с пугающей точностью — как будто кто-то уже успел предоставить ему полное досье. Во-вторых — и это было куда важнее — несмотря на формальную роль моего защитника, этот человек не собирался быть на моей стороне. Его вопросы, уточнения, даже интонации — всё было выверено так, чтобы формально выполнять обязанности, но по сути работать на противоположный лагерь.

Он говорил правильные слова, кивал в нужных местах, но в его глазах не было того огня, который появляется у настоящего защитника. Это был не союзник, а ещё один следователь — просто в другой роли.

Когда он поправил очки, отблеск на стеклах на мгновение скрыл его глаза — и я подумал, что, возможно, именно так выглядит предательство: безупречное, стерильное и абсолютно законное.

— Я знаю человека, который вам нужен, — сказал он, делая паузу между фразами, будто взвешивая каждое слово. — Бывший оперативник, теперь адвокат. Опытный и грамотный товарищ.

Ваня, сидевший напротив, едва заметно кивнул — мол, доверяю твоему выбору. В кафе стало шумнее, и защитник наклонился ближе, чтобы его было лучше слышно. Его пальцы с коротко подстриженными ногтями быстро листали контакты в телефоне.

— Записывайте, — он назвал номер, который я тут же ввел в свой телефон.

— Скажете, что от меня. Он понимает специфику таких дел... — защитник сделал многозначительную паузу, — особенно когда речь идет о своих же.

В этот момент официант подошёл убрать пустые чашки, и разговор прервался.

Иван мрачно хмыкнул, допивая остывший кофе. За окном кафе проехала полицейская машина без спецсигналов, и все трое невольно замолчали, следя за ней взглядом, пока она не скрылась за поворотом.

Вечером, уже дома, когда Настя обняла меня крепче обычного, а сын, не отрываясь, смотрел мультики, я позволил себе глубоко вздохнуть. Может быть, действительно, все обойдется? Может, и правда, этот кошмар скоро станет просто воспоминанием?

Но где-то в глубине души уже поселился холодок — слишком хорошо я знал, как работает система. Сегодня она отпустила, завтра может снова затянуть в свои жернова. И тогда уже никакие начальники, никакие ободряющие разговоры не помогут.

Я крепче обнял Настю, чувствуя, как ее тепло прогоняет эти мрачные мысли. Пока мы вместе — всё не так страшно. А завтра... Завтра будет новый день, и надо встречать его с высоко поднятой головой.

Глава 5

Шаг назад

Самыми тяжелыми были два дня после. Мне надо было заниматься служебными делами, как и раньше. Кабинет казался камерой-одиночкой. Те же стены, тот же стол, те же документы — но все изменилось до неузнаваемости. Я механически подписывал бумаги, в то время как мой мозг был занят совсем другим — прокручивал снова и снова события последних дней, ища хоть какую-то зацепку, хоть малейшую возможность выправить ситуацию.

Секретарь, оставив очередную пачку документов, поспешно ретировалась, даже не встретившись со мной взглядом. Дверь закрылась с тихим щелчком, и я остался один на один с тикающими часами. Их секундная стрелка двигалась с неумолимой точностью, будто насмехаясь над моим положением.

Я замер, наблюдая за ее движением. Тик-так, тик-так. Каждый щелчок отдавался в висках. Время шло, а я сидел, словно парализованный, не в силах оторвать взгляд от этого гипнотического движения. Мысли замедлились, превратившись в вязкую, тягучую массу.

На столе передо мной лежали десятки документов, требующих внимания — отчеты, приказы, служебные записки. Все то, что ещё неделю назад казалось важным и срочным, теперь выглядело жалкой пародией на реальные проблемы. Я машинально потянулся к ближайшей папке, но пальцы не слушались — рука дрожала, оставляя на глянцевой поверхности размазанные отпечатки.

«Соберись, чёрт возьми!» — пронеслось в голове. Но как собраться, когда земля уходит из-под ног? Когда каждый телефонный звонок может стать началом конца? Когда даже собственные подчиненные смотрят на тебя как на прокаженного?

Я резко встал, задев край стола. Чашка с остывшим кофе покачнулась, оставляя на документах коричневые разводы. «Хорошо еще, что не перевернулась», — мелькнула идиотская мысль.

Подойдя к окну, я уперся лбом в прохладное стекло. Во дворе кипела обычная жизнь — сновали машины, спешили по делам сотрудники. Никто даже не подозревал, что происходит за этим окном. Или знали? Может, уже шептались за спиной, строили догадки, делали ставки.

Руки сами сжались в кулаки. «Нет, я не дам им этого удовольствия. Если уж тонуть, то с высоко поднятой головой». Вернувшись к столу, я с силой вытер кофейные пятна салфеткой и взял первую попавшуюся папку.

«Работа. Только работа может спасти сейчас», — убеждал я себя, заставляя глаза фокусироваться на строчках. Но буквы плясали перед глазами, сливаясь в нечитаемые каракули. А в ушах по-прежнему звучало это проклятое «тик-так». Тик-так. Тик-так. Отсчет последних минут моей прежней жизни.

Я медленно придвинул к себе документы, повертел головой в поисках ручки. Она лежала справа, возле телефонного аппарата. «Сначала разберу кадровые бумаги, потом займусь оперативными», — подумал я. Ведомственные приказы читать не стал — лишняя трата времени, которого и так оставалось немного. «Может, сделать кофе?» — мелькнула спасительная мысль.

Кабинет был пуст, можно было позволить себе этот маленький ритуал. В комнате отдыха имелось все необходимое: электрическая плитка, турка, кофемолка. Но главное — широкий подоконник у окна, где я обычно готовил напиток. Трудно было отказаться от такого привычного удовольствия.

Неспешно зашел в комнату, залитую солнечным светом. Приятное ощущение жизни возвращалось ко мне по мере того, как аромат свежесваренного кофе наполнял помещение.

«Пусть все думают, что у меня ничего не изменилось, что я готов работать дальше и ничто меня не сломило», — убеждал я себя. Видимость обыденности нужно было сохранять любой ценой.

Первый глоток, затем второй. Теплая жидкость, пройдя по пищеводу, оставила приятное тепло в желудке. «Люблю кофе. Сегодня он особенно хорош», — отметил про себя.

Казалось, в новых обстоятельствах обычные вещи приобретали особый вкус и значение. Когда оказываешься в ситуации, где не можешь изменить главное, начинаешь ценить мелочи, на которые раньше не обращал внимания.

Но тут же в голову закралась тревожная мысль: «А не зашло ли все уже слишком далеко? Не оказался ли я в том самом лесу, из которого нет выхода? Или, может, это болото, которое уже безвозвратно затягивает?»

Я покачал головой, отгоняя мрачные мысли: «Нет, они найдут меня везде. Если не меня, так семью достанут».

Действовать нужно было здесь и сейчас. Вот только работать совершенно не хотелось. Тело требовало движения, решений, перспектив, а я стоял у окна с чашкой кофе, словно заключенный в золотой клетке собственного кабинета.

«Адвокат молчит. Следствие тоже. Это ненормально». Я прекрасно знал — такая тишина не сулит ничего хорошего. «Они что-то замышляют. Готовят удар. И когда он придет...»

Чашка неожиданно дрогнула в моей руке, громко стукнув о подоконник. Кофе расплескался, оставив на стекле коричневые разводы. «Вот и я, — подумалось с горькой усмешкой, — трясусь как мальчишка».

Но даже этот маленький эпизод с пролитым кофе казался сейчас важнее всех служебных документов на столе. Хотя бы потому, что был реальным. А не той бумажной бурей, которая, я знал, уже собиралась надо мной в кабинетах следствия.

В дверь постучались:

— Заходите!

Дверь открылась, и в кабинет зашла секретарь. Она посмотрела на стопку бумаг и сказала:

— Это можно забрать?

Оставив чашечку кофе на подоконнике, я вышел к ней навстречу. Улыбнулся так, как будто для меня вся эта ситуация не имеет особого значения, и я уверен в себе на сто процентов. Посмотрел на бумаги:

— Оставьте пока, я их не все подписал. Хотя если очень надо, то пересмотрите, что надо срочно — я тут же подпишу, и вы сможете забрать.

— Отлично, — сказала секретарь и принялась смотреть документы.

В итоге я подписал всё. Само собой как-то получилось.

— А вы молодец, знаете свою работу. Ведь в результате сделали так, что мне пришлось всё это оприходовать, — сказал я и ухмыльнулся.

Секретарь в ответ ничего не сказала. Посмотрела на меня, улыбнулась и продолжила собирать бумаги со стола в большую папку, которую принесла с собой.

Я стоял, повернув голову в её сторону, но взгляд мой уперся в темно-коричневый линолеум под ногами. В такие моменты время словно замирает — тело неподвижно, сознание застывает в странном промежуточном состоянии, когда внешний мир перестает существовать, а внутренний вдруг обретает невероятную четкость.

В этой внезапно наступившей тишине я ясно ощутил всю абсурдность происходящего. Вот она, моя реальность: уголовное дело, разрушенная карьера, постоянный страх за семью. А вокруг — обычный рабочий день, сотрудники, для которых я всего лишь начальник, подписывающий бумаги. «Подпишите вот это», «Посмотрите то» — будто ничего не случилось. Никому не важно, что творится у меня внутри.

«А ведь мне так хотелось, чтобы кто-то спросил...» — эта мысль пронеслась с горькой иронией. Хотелось верить, что кто-то разглядит за начальственной маской живого человека,

которому сейчас по-настоящему тяжело. Но жизнь устроена иначе. У каждого свои заботы, свои проблемы, куда более насущные, чем твои.

Я сделал глубокий вдох, возвращаясь в реальность. Правда жестока, но в ней есть странное утешение — так устроен мир, ничего личного. Когда-то и я точно так же проходил мимо чужих бед, погруженный в свои проблемы. Теперь моя очередь — принимать эту истину без обид и претензий.

Секретарь тем временем собрала подписанные документы и вышла, оставив меня наедине с моими мыслями. Дверь закрылась с тихим щелчком, и я снова остался один в своем кабинете, где часы на стене продолжали неумолимо отсчитывать время, которого у меня оставалось все меньше.

В кабинет зашли все три моих заместителя и начальник отдела по собственной безопасности. Понимая, что события со мной могут развиваться стремительно и не в мою пользу, у каждого были вопросы, которые, видимо, оставлялись ими на потом: назначения сотрудников на вышестоящие должности, изменения графиков работы смен и так далее. Теперь же надо было это решать как можно скорее. На этой почве у нас завязался не совсем дружелюбный разговор. Не хотелось признавать, что уголовное дело в отношении меня — это надолго и с негативными последствиями. Себя хоронить я не собирался. Я отказывал больше, чем соглашался.

Нашу дискуссию прервала секретарь, которая, постучав в дверь и не дожидаясь моего ответа, зашла в кабинет. Она остановилась рядом со входом, в её руках была бумага. Я увидел, что там написано несколько строчек синей ручкой.

— Завтра к нам прибывает представитель из Московского главного управления для разрешения конфликтной ситуации, — проговорила секретарь, делая вид, что читает текст со своего документа.

— Начиная слетаться вороны, — прокомментировал я новость, устремив взгляд сквозь прозрачное оконное стекло в пустую для меня даль. — Посмотрим, что он тут организует.

Моя речь звучала медленно, без веры в успех. После небольшой паузы я повернулся к своей сотруднице и спросил:

— А в котором часу у него самолёт, известно?

— Да, конечно, — с серьёзным лицом ответила она.

— Вот и хорошо, значит, завтра поедем встречать, как положено. Тарас Петрович, вы поедете со мной, — шуточным официальным тоном сказал я. — А до этого времени обеспечить хорошим вариантом гостиницы нашего гостя. Завтра быть всем на рабочих местах. Никому не отлучаться. Встречи отмените, если таковые запланированы, — дал я указание своим заместителям.

После собрал документы в свой портфель и вышел на улицу. Прекрасный солнечный день. Слышны звуки поющих воробьёв и детей во дворе, примыкающего детского садика.

«Пойти прогуляться, что ли? — подумал я. — А куда идти? В магазин, в парк или просто куда глаза глядят? Крутое состояние у меня. Буквально пару дней тому назад я не мог найти себе часик свободного времени. Куча задач, поручений, и всё надо выполнить. „Съездить туда, приехать отсюда...“ — это мы с друзьями так в детстве говорили. Супруге даже звонил крайне редко. Все занят был. А сейчас смотри, время-то есть, оказывается. Выходит, всё зависит от твоего отношения ко всему происходящему, а не от объёма работы или забот».

В моём кармане завибрировал телефон. Мне пришлось взять служебный аппарат на время. Это был дежурный, он, видимо, смотрел на меня по камерам наружного наблюдения:

— Артём Николаевич, — раздался громкий и чёткий голос в трубке, — собираетесь ехать куда-то?

— Вот и не знаю, не собирался, — ответил я. — Хотя... Попроси Женю, пусть выходит. Поеду домой.

— Понял, сейчас сделаем, — ответил он и отключился.

Я не стал подниматься в кабинет. Вместо этого остался стоять во дворе, наблюдая, как солнце играет бликами на стёклах служебных машин.

«А почему бы и нет?» — мелькнула мысль. Ничто не мешало мне сейчас просто сесть в машину и поехать домой, наплевав на все условности. Так я никогда раньше не поступал, но сегодня эти негласные правила казались смешными.

Через час я уже переступал порог дома. Настя замерла на мгновение, увидев меня в непривычное время — её брови чуть приподнялись, в глазах мелькнуло беспокойство. А сын, как всегда искренний в своих эмоциях, тут же бросился ко мне с радостным криком:

— Папа! Он обхватил мои ноги маленькими ручками, и в этот момент я особенно остро ощутил, как редко он видит меня при дневном свете.

Настя подошла ближе, её объятие было тёплым и крепким. Лёгкий поцелуй в щеку, знакомый запах духов — всё это казалось таким дорогим сейчас.

— Что-то случилось? — в её голосе я услышал ту самую нотку, которая выдавала: она уже готова к худшему.

Я покачал головой, стараясь говорить максимально спокойно:

— Нет, сегодня ничего особенного. Просто решил приехать пораньше.

Но Настя не отставала. Она пристально смотрела мне в глаза, и я видел, как её пальцы непроизвольно сжимают край моего пиджака:

— Выкладывай уже, не томи.

— Да правда же, всё нормально, — я обнял её за плечи, стараясь звучать убедительно. — Просто завтра, наверное, снова вызовут на допрос. А сегодня... сегодня я просто хотел побыть дома.

Сын радостно вцепился мне в руку, его маленькие пальчики горячие и цепкие, как всегда, после долгого рисования.

— Папа, папа! — торопил он, с трудом сдерживая восторг.

Я позволил ему вести себя, ощущая, как в груди что-то сжимается от этой простой детской радости. Его восторг был таким искренним, таким беззащитным перед лицом той бури, что бушевала в моей жизни.

В комнате пахло красками и детством. На столе лежал новый рисунок — наш дом, солнце с лучиками, как ёжик, и три фигурки, держащиеся за руки.

— Это мы! — объявил он гордо, и его глаза сияли так, что больно было смотреть.

Я взял листок, ощущая, как дрожат мои пальцы. Эта детская работа была дороже всех наград в моей карьере.

Настя остановилась в дверях, и я чувствовал её взгляд — тёплый, тревожный, полный безмолвных вопросов. Она знала. Конечно, знала. Но сегодня вечером мы все будем притворяться. Для него. Для нашего мальчика, который так искренне радовался, что папа пришёл домой пораньше.

Я опустился на колени перед сыном, чтобы быть с ним на одном уровне:

— Это самый красивый рисунок, который я когда-либо видел. Давай повесим его на холодильник?

Его лицо озарилось такой радостью, что на мгновение я забыл обо всём — о следствии, о допросах, о том кошмаре, что ждал меня завтра. Только этот момент, этот чистый, незамутнённый детский восторг.

Настя молча подошла, взяла магнит. Наши пальцы случайно соприкоснулись, и я почувствовал, как она слегка сжала мою руку — без слов, но этого касания было достаточно, чтобы понять: мы вместе. Хотя бы сегодня. Хотя бы на этот вечер.

— А не пойти ли нам на улицу, просто погулять?! — воскликнул я и посмотрел на супругу, — пусть будет обычный вечер. Обычная семья. Хотя бы сегодня.

— Конечно, пойдём, — ответила она и дополнила. — Только сначала покушаем.

Настя улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, столько обещания нормальной жизни, что я готов был поверить — всё будет хорошо. Хотя бы на этот вечер.

— Ты поедешь к адвокату? — спросила она, не прерываясь от расстановки посуды на столе.

— Нет. Сегодня проведу время только с вами.

— Вот и отлично.

— Знаешь, — с робкой осторожностью продолжил я, — завтра ещё приезжает представитель из главного управления. Официально для разрешения конфликта.

Настя посмотрела на меня внимательно, в её глазах не было паники или испуга:

— Ты же понимаешь, зачем он приезжает. А тебя это беспокоит?

— Я не могу знать. Со мной такое впервые.

— А что он может сделать плохого? Ничего. Собирает информацию, оценит обстановку и сообщит своему руководителю в Москве.

— Да, это всё так, но какая у него цель: помочь, закопать или просто наблюдать? От этого зависит, как мне с ним говорить. Доверять или нет. Ну, ты понимаешь меня.

— Здесь смотри по ситуации, — ответила Настя.

Мы вышли на улицу, воздух обнял нас своим прохладным дыханием. Тени от деревьев ложились длинными полосами на асфальт, а последние лучи солнца золотили верхушки лип. Сын бежал впереди, его радостный смех звенел, как колокольчик, разгоняя мои мрачные мысли.

Парк встретил нас тишиной и покоем. Здесь, среди шелеста листвы и щебетания воробьев, казалось, можно было на время забыть обо всем. Мы выбрали скамейку в укромном уголке, под раскидистым кленом. Настя аккуратно поправила сыну воротник куртки, а он, не переставая болтать, устроился между нами, сжимая в кулачках собранные по дороге шишки.

Я осторожно взял Настину руку, ощущая под пальцами тепло ее кожи. Она ответила легким пожатием, и в этом молчаливом жесте было больше понимания, чем в любых словах.

«Как же хочется говорить о будущем...» — пронеслось у меня в голове. О том, как мы поедem на море, как сын пойдет в школу, о наших планах и мечтах. Но язык будто отяжелел, и вместо светлых тем из уст сами собой вырывались тягостные вопросы:

— Как ты думаешь, это скоро закончится? — мой голос прозвучал чужим, надтреснутым.
— Я смогу... вернуться к прежней жизни?

Настя вздохнула и прижалась плечом ко мне. Ее ответ был тихим, но твердым:

— Ты вернешься. Мы справимся.

Сын, почувствовав напряжение, вдруг обнял нас обоих за шеи, прижав свои теплые щеки к нашим лицам.

Мы засмеялись, и на мгновение стало легче. Но тень не уходила. С каждой минутой парк наполнялся людьми — усталыми, спешащими, чужими. Их голоса, смех, шаги создавали тревожный фон. Мы замолчали, перейдя на шепот, а взгляды сами собой блуждали по округе, выискивая что-то подозрительное.

Через десять минут такого напряжения Настя тихо сказала:

— Пойдем домой.

Мы встали со скамейки, и сын снова схватил нас за руки, раскачивая их на ходу. Его беззаботность была как глоток свежего воздуха. Я крепче сжал маленькую ладошку, пытаюсь запомнить это ощущение — тепла, доверия, простого семейного счастья.

На обратном пути я поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не думал о деле, о следствии, о завтрашнем дне. Было только «здесь и сейчас» — вечерний воздух, крепко держащая мою руку Настя, безудержно болтающий сын. И это, наверное, было самым важным — уметь находить эти островки покоя среди бури. Хотя бы на время. Хотя бы ненадолго.

Я вздрогнул от громкого звонка телефона в кармане. Всё никак не могу привыкнуть, что теперь пропускать входящие вызовы недопустимо для меня и даже опасно для моей свободы. Разговор состоялся с тем знакомым оперативником Стасом. Он настоятельно попросил меня встретиться с ним. Поговорить без протокола.

— Когда и где встретимся? — спросил я.

— Сейчас было бы неплохо, у нас в конторе.

— Одну секунду...

Я отодвинул телефон подальше от лица и прикрыл микрофон ладонью. Наклонился к уху Насти и сказал:

— Стас, тот самый, просит встретиться сейчас... Вы дойдёте сами?

Насте, конечно, такой расклад, мягко выражаясь, не очень понравился. Она смотрела вперёд, в сторону выхода из парка, и, не поворачивая головы, ответила:

— Иди. У тебя выбора-то нет. Кто знает, может, он что-то дельное скажет или полезное...

— Мне не очень удобно оставлять вас, но я теперь совсем не хозяин своего личного времени. Да какой там, у меня его теперь и вовсе нет.

Так вышло, что мне надо было идти в противоположном направлении от моей семьи. Здание ФСБ не по пути к моему дому.

Настя смотрела мне вслед, держась правой рукой за коляску:

— Надеюсь, что он вернётся домой сегодня вечером, — подумала она. — Такие люди просто так не приглашают на беседу. Они не друзья. Артём у меня такой, горячий, может и вспылить, а значит, навредить. Только не это. Нельзя ему так. Надо будет обязательно с ним поговорить на эту тему.

После она развернулась и пошла по направлению к солнцу — в сторону дома.

Мой путь занял не больше получаса, но каждый шаг по раскалённому асфальту казался вечностью. Центр города в этот час был особенно оживлён — офисные работники спешили по своим делам, туристы толпились у достопримечательностей, уличные торговцы наперебой зазывали покупателей. Громкие голоса из динамиков магазинов, пронзительные сигналы автомобилей, навязчивая музыка из кафе — весь этот шумовой вихрь бил по нервам, заставляя сжимать челюсти.

Я ускорил шаг, стараясь обойти самые людные места. От быстрого темпа под пиджаком уже выступила испарина — неприятные липкие капли скатывались по спине. «Чёрт, опять вспотею перед встречей», — с досадой подумал я, ощущая, как воротник рубашки начинает прилипать к шее.

Укрывшись в тени старинного особняка с лепниной на фасаде, остановился перевести дух. Здание, пережившее революции и войны, теперь служило фоном для суетливой городской жизни. Прислонившись к прохладной стене, я машинально окинул взглядом прохожих: деловая женщина с портфелем, нервно поглядывающая на часы, вон там пара туристов, увлечённо фотографирующих каждую деталь архитектуры, подростки с наушниками, ритмично покачивающиеся под свою музыку, и пожилой мужчина, медленно переставляющий трость. Ни один из них не задержал моего внимания дольше мгновения. В голове автоматически включался профессиональный режим — фиксировать, но не запоминать, отмечать, но не анализировать.

Проверив часы, я глубоко вздохнул и снова шагнул в людской поток. Впереди была важная встреча, мне нужно было собраться — физически и морально. Последний рывок — и я окажусь в назначенном месте, где предстоит очередной раунд этой изматывающей игры.

Тень от старинного здания осталась позади, а вместе с ней — краткий миг передышки. Впереди снова жара, шум и главное — испытание, к которому нельзя быть не готовым. Расправил плечи, мысленно натягивая привычную маску уверенности, и зашагал вперёд, растворяясь в толпе.

Я замер посреди тротуара, будто вкопанный. Мысли крутились в голове, как бешеные мухи: «Как же я мог оставить Настю одну в такой момент? — терзал я себя. — Выходит, всем готов уделить время, кроме той, что всегда рядом». Грудь сжало так, что стало трудно дышать.

Вокруг кипела обычная жизнь. Проходили девушки в летних платьях, смеялись, бросали игривые взгляды. Раньше я бы хоть краем глаза отметил их красоту. Сейчас же смотрел сквозь них, будто они были призраками. «Что со мной? — с тревогой подумал я. — Это же ненормально».

Шаг вперёд. Остановка. «А зачем я вообще иду на эту встречу?» — вдруг осенило меня. В голове чётко выстроилась картина: Стас в своём кабинете, довольный, что я так легко клюнул на его «срочный вызов». Они будут давить, уговаривать, играть на моих слабостях — всё как я сам делал сотни раз с другими.

По спине пробежали мурашки. Ладони стали ледяными, хотя на улице было плюс тридцать. «Нет, — резко развернулся я. — Хватит».

Достал телефон, набрал номер оперативника. После нескольких гудков раздался его голос:

— Ты уже подошёл?

— Нет, я передумал.

— В каком смысле? — удивился он.

— Да вот так. Не считаю, что наш разговор может быть полезен. Нам не о чем говорить. Всё, что надо сказать, буду говорить только в присутствии адвоката и в кабинете следователя.

Стас выслушал и не стал настаивать. Наш разговор был коротким:

— Зря. Не хочешь — как хочешь. Но можешь пожалеть.

— Я уже о многом пожалел, — ответил я. — И это не про нынешние проблемы, а про дела, которые не сделал раньше из-за своего добродушия. Касаемо тебя... Мне казалось, мы работали на благо государства, а оказалось — кто-то гонится за личными интересами. Думаю, ещё пообщаемся. Но в другое время и в другом месте.

Тогда я ещё не знал, насколько был прав. Ошибся только в одном — думал, обстоятельства сложатся в мою пользу. Спустя годы оказалось наоборот.

Выдохнув после неприятного разговора, набрал Настю. Она взяла трубку не сразу — пришлось долго слушать длинные гудки.

— Аллю? — её голос звучал мягко, но настороженно.

— Передумал встречаться. Иду домой. Возможно, на метро приеду раньше, чем вы дойдёте из парка.

— У тебя всё в порядке? — сразу спросила она.

— Да, нет причин для переживаний, — постарался говорить бодро. — Решение обдуманное. Принял его быстро, но взвешенно. Ну, может не совсем так, в общем всё хорошо.

— Тогда давай встретимся в нашем магазине у дома. Надо купить продуктов.

— Отлично, буду ждать там, — ответил я, стараясь звучать воодушевлённо.

— Уже спускаюсь в метро. Сейчас связь оборвётся.

Настя не смогла скрыть переживаний. Когда трубка замолчала, она прошептала: «Вот чего боялась... Как в воду глядела. Не успела поговорить. Он же наломает дров. Кажется, мне ещё долго не понять своего мужа. Ладно... Что будет — то будет».

Адвокат хмуро постучал пальцами по столу, когда я сообщил ему о своём решении.

— Вы упускаете возможность, — его голос звучал как скрип несмазанных дверей. — Любая информация может быть полезной, даже из их уст.

Я медленно покачал головой, глядя в окно, где вечерние тени уже ложились на город:

— Когда волк загнан в угол, он не ищет дружбы с охотниками. Он ищет другой выход.

Защитник вздохнул, поправил очки:

— Но хотя бы выслушать...

— Я уже всё услышал, — перебил я, поворачиваясь к нему. — В их тоне, в том, как спешили назначить встречу. Это не диалог, это ловушка.

На столе между нами лежала папка с документами — наша «стратегия защиты», которая с каждым днём становилась всё тоньше. Адвокат потянулся к ней, но я опередил его, закрыв ладонью:

— Нет. Мы пойдём другим путём. Если они хотят моего падения, пусть хорошенько попотеют.

ГЛАВА 6

Московский гость

За окном зажглись первые огни. Где-то там, в этом городе, сидели те, кто решил сломать мою жизнь. Но теперь я знал — они недооценили меня. Как и я когда-то недооценивал тех, кто оказывался на моём месте. Железный вкус решимости наполнил рот.

— Хорошо, — наконец сказал адвокат, убирая папку в портфель. — Но тогда с завтрашнего дня мы начинаем копать в другом направлении. Готовы к тяжёлой работе?

Я лишь усмехнулся в ответ. Тяжёлая работа была мне знакома лучше, чем кому-либо. И на этот раз я работал на себя.

На следующий день мы с Тарасом — моим молодым заместителем, в котором я тогда, как оказалось, ошибочно разглядел искру настоящего лидера — коротали время в полупустом зале ожидания аэропорта. Пластиковые кресла неудобно впивались в спину, а за окном готовился к своему выходу дождь, словно подчеркивая наше тягостное ожидание. Мы ждали рейс из Москвы, на котором должен был прибыть этот самый «старший товарищ» — человек с неопределённым статусом.

Когда он появился в дверях терминала, его образ не вызвал ни трепета, ни опасений — обычный мужчина в неброском костюме, с усталым, но доброжелательным выражением лица. Его рукопожатие оказалось твердым, но не властным, а голос — спокойным, почти отеческим.

Встреча протекала на удивление тепло. Ни давления, ни нравучений, только обстоятельные вопросы, заданные с искренним, казалось бы, участием. Он не торопился, не перебивал, лишь изредка кивал, как бы давая понять: я на твоей стороне, просто помоги мне разобраться.

Но за этой показной доброжелательностью скрывался тонкий расчет. Он не атаковал, не обвинял — он создавал иллюзию доверия. Не осуждал мои поступки, а интересовался их причинами. Не выдвигал требований, а как будто искал совместное решение.

И самое хитрое — он тщательно избегал любых намеков на позицию руководства. «Я пока не в курсе всех деталей», «Мне нужно разобраться», «Давай обсудим без предвзятости» — эти фразы звучали так естественно, что даже у меня, привыкшего читать между строк, не сразу возникло подозрение.

Он не был грубым следователем или жестким проверяющим. Нет, он играл роль друга, советчика, почти что союзника.

И в этом была главная опасность. Потому что, когда противник не атакует в лоб, а предлагает раскрыться — именно тогда он становится по-настоящему страшным.

Позже я узнал ещё одну неприятную правду: в московских кабинетах о моей ситуации знали задолго до того, как оперативники переступили порог моего дома. То самое сообщение по межведомственной линии ушло в столицу за месяц до обыска — аккуратно оформленное, с грифом «Для служебного пользования», лёгкое как перо, но тяжелое как приговор.

И все это время — эти тридцать роковых дней — они просто наблюдали. Молча. Без единого звонка, без намёка, без предупреждения. Я представляю, как моё дело лежало на чьём-то столе среди других бумаг, возможно, даже не на самом видном месте. Как кто-то пил кофе, листая страницы с описанием моей грядущей участи, и откладывал папку в сторону — «разберёмся позже».

Страх — вот что двигало ими. Не принципы, не справедливость, не корпоративная солидарность. Обычный животный страх за свои кресла, за звания, за привычный уклад. Они прекрасно понимали, что одно неверное движение — и волна дойдёт до них. Лучше уж держаться подальше, сделать вид, что не заметил, переждать.

Самое циничное? Они ведь могли предупредить. Один звонок, одна СМС, даже намёк — и у меня были бы хоть какие-то шансы подготовиться. Но в их расчётах я оказался просто разменной монетой.

Чтобы добиться статуса, когда за тебя готовы вступить, нужно быть повязанным по всем фронтам. Полезным не профессиональными качествами, а чем-то другим, о чём не говорят вслух. Мне выпала роль подопытного — должен был выкручиваться сам, а они бы смотрели. Выплыву — хорошо, нет — значит, правы были те, кто не вступался.

Моя ситуация неожиданно дала не только проблемы, но и возможности. Тех самых неудобных сотрудников, которых раньше нельзя было убрать из-за местных «крыш», теперь можно было спокойно вычистить. Как по мановению волшебной палочки.

«Сопротивляться никто не будет», — констатировал я про себя, просматривая список фамилий.

Московский гость привёз готовые решения. Проверка режима секретности, тесты на пригодность — всё оформлено по высшему разряду. Мои возражения? Пустой звук.

«Кому-то поможем уйти красиво, — продолжал размышлять я, отмечая галочками „своих“, — остальных под пресс».

Цель была не в том, чтобы устроить показательную порку, а в том, чтобы избавиться от балласта. За вечер маховик проверок раскрутился на полную.

Но была и вторая цель. Главная.

«Как наши документы оказались у третьих лиц?» — задался я вопросом.

А ведь ответ лежал на поверхности. Перед тем как эти бумаги всплыли у гражданского, их копировали представители главного управления. Во время плановой проверки режима секретности. Зачем? Тогда мы удивлялись. Но разве можно было отказать? Приказ есть приказ. Выполнили без нарушений.

Теперь московскому гостю нужно было выяснить одно: работают ли следствие и ФСБ по этой версии?

Я горько усмехнулся, ощущая, как в уголках губ играет саркастичная складка.

«Никто не хочет, чтобы региональная грязь запачкала столичные мундиры» — мои собственные слова прозвучали в голове с горькой иронией.

Я представил их — этих безупречных столичных чиновников, отглаженных, как их собственные рубашки, с холодным блеском в глазах и вечными озабоченными выражениями лиц. Они так боятся даже намёка на компрометирующие связи, что готовы слить кого угодно, лишь бы не запачкать свои белоснежные манжеты.

«Чистые рубашки должны оставаться чистыми» — мысленно продолжил я, медленно откидываясь в кресле.

Спина уперлась в жесткую спинку, а взгляд непроизвольно устремился вверх, к потолку. Белый, ровный, без изъянов — как та самая показная безупречность, за которой они так тщательно следят.

Но я-то знал правду. Игра только начиналась. «Искать виноватых будут здесь. На месте» — промелькнуло в голове.

А потом осознание, от которого внутри всё сжалось, но на лице не дрогнул ни один мускул: «То самое „на месте“ — это я».

Закрыв глаза на секунду, чувствуя, как в груди разливается странное спокойствие. Не страх, не паника — а холодная, почти ледяная ясность: «Они думают, что играют против одного. Но они ошибаются. Потому что теперь я знаю правила».

Моему московскому гостю требовалась встреча с оперативниками ФСБ, курирующими моё уголовное дело.

На следующий день она состоялась в его гостинице. Мне же пришлось ждать в машине. Наш автомобиль был припаркован в живописном месте, и мы с замом решили прогуляться по парку. Утро выдалось неестественно прекрасным: солнце мягко грело спину, воздух был прозрачен и неподвижен, а тишину нарушал лишь шелест листы. Обычно такие дни заряжали энергией. Сегодня же каждый вдох давался с трудом.

«Волнение — коварная штука», — думал я, наблюдая, как зам держит в своей руке портфель. «Оно заставляет раскрывать душу перед первым встречным».

Мне отчаянно хотелось выговориться. Рассказать, как страшно. Придумать безумные планы побега. Услышать: «Всё обойдётся». Но это слабость. А слабость в нашем мире — роскошь, которую нельзя себе позволить.

«Сегодня ты доверяешь человеку, а завтра его показания лягут в основу обвинения», — вспомнил я случай из собственной практики. Так что неважно, кто перед тобой — друг, соратник или подчинённый. Придёт час — получишь удар. Не обязательно ножом. Иногда достаточно ледяного молчания в ответ на просьбу о помощи, чтобы понять — ты один.

Я опустил взгляд на свои туфли — кожа блестела, будто зеркало, идеально начищенная к утреннему выходу. Поднял голову, глубоко вдохнул и на медленном выдохе мысленно проговорил: «Радуйся тихо. Твой успех уже оставил чей-то день без солнца, разбудив чёрную зависть. А если споткнулся — тем более молчи: не давай повода для злорадства тем, кто подставил подножку. Победы и поражения — только твои. Запомни это, Артём».

Зам бросил осторожный взгляд:

— Может, кофе возьмём?

Я покачал головой. В такие моменты даже глоток воды кажется предательством — вдруг рука дрогнет?

Где-то в глубине сердца — пока необъяснимо для меня самого почему — я стал терять доверие к своему заму. И вдруг вспомнилось... Тогда, в далёком прошлом, когда мы с Тарасом были молоды, а количество маленьких звёзд на наших погонах не превышало четырёх, мы затеяли одно общее дело. Это была наша соломинка, за которую мы цеплялись, чтобы не утонуть в финансовых бурях. Но алчность Тараса оказалась сильнее дружбы. Он создал такие условия, при которых наше предприятие не могло процветать. Мне пришлось тогда уйти и заняться другим направлением. Осадок, конечно, остался. Но что поделаешь? Сам виноват — надо было думать, куда иду и с кем начинаю дело.

Прошли годы. Мне не раз доводилось вытаскивать этого человека из неприятных ситуаций. Благодаря моим усилиям он сохранил погоны и продолжил службу. Мне казалось, мы прошли огонь и воду. Когда пришло время выбирать заместителя, у меня не было сомнений — он идеально подходил. Но время показало: я ошибся, поверив, что люди меняются. Они не меняются. Может измениться внешность, взгляды, манера речи — но не суть. Если человек способен на предательство, трусость и алчность, это в нём навсегда. Жизнь может долго не давать этим качествам проявиться. Но в трудный час истинная сущность выйдет на передовую и покажет себя во всей красе.

Вот я и решил не рисковать. Подумал, что не стоит мне раскрываться перед ним и показывать свои слабые стороны. Пожалее его — не дам ему повода и возможности воспользоваться этим, чтобы вонзить потом мягкий нож между моих лопаток.

Московский гость потерял нас. Выйдя на улицу, он позвонил и сообщил, что встреча окончена. Через пять минут мы уже ехали по городу, ведя неприятный для меня разговор. По его лицу было видно — он знает больше, чем я. Единственное, что он сказал: ситуация для меня крайне тяжёлая. Выход один — тюремное заключение.

Как позже выяснилось, следствие планировало добавить ещё один эпизод, более тяжкий и не подпадающий под амнистию. Увы, но я узнал об этом при других обстоятельствах.

Мой коллега скрыл от меня эту информацию. Зачем? Ответ остался за кулисами. Так же поступил и мой непосредственный руководитель — знал, но не счёл нужным сказать. Все, как я и говорил, заняли позицию наблюдателей.

Московский гость исчез так же внезапно, как и появился — через два дня он сел на самолет с аккуратно упакованным докладом, где моя судьба была сведена к сухим фактам и цитатам. Дверь за ним закрылась беззвучно, оставив после себя лишь легкий запах дорогого парфюма да горький осадок в моей душе.

Он не принес ни помощи, ни даже внятного объяснения — просто собрал информацию, как сборщик податей, и растворился в столичном мареве. И вот я снова один.

«Кто знает, может, это и не плохо», — ловлю себя на мысли. Теперь никто не будет совать нос в мои планы, осуждать или давать «мудрые» советы. Никаких ложных надежд, никаких ненужных союзников. Только я и эта стена, которую предстоит разрушить.

«Мне не нужны советы. Мне нужны действия» — повторяю про себя, сжимая кулаки.

Действия, которые разобьют эту каменную кладку запретов, снимут оковы и вернут мне то, что было отнято. Ту жизнь. Ту самую, за которую я цеплялся, как утопающий за соломинку.

Хотя сейчас, в тишине этого кабинета, я вдруг ловлю себя на странном вопросе: «А зачем? Зачем мне та жизнь, если она уже никогда не будет прежней? Если каждый, кто в ней был, уже отвернулся? Если даже я сам стал другим — жестче, холоднее, без прежних иллюзий?» Но ответа нет. Есть только ярость — глухая, неостывшая. Она горит где-то в груди, не давая скатиться в уныние.

ГЛАВА 7

Обвинение и разочарование

То, что будет плохо, не было для меня секретом. Но я не ожидал, что так скоро оно наступит. Обвинение в разглашении государственной тайны предъявили менее чем через две недели после обыска. К такой скорости я не был готов. Всё складывалось у них слишком гладко и прямолинейно. Так не должно быть. С таким подходом мне не угнаться за стремительно развивающимися событиями.

За день до этого снова позвонил оперативник Стас и с вымученным, обманчивым сожалением в голосе сообщил, что мне надо утром явиться к следователю, получить уведомление о планируемом предъявлении обвинения.

— Это обязательная процедура, — сказал он.

Мой телефон не слышно отключился, экран предательски погас. Он стал ощутимо тяжелым, как небольшой кирпич и бесполезным, как алиби в обвинительном приговоре.

— Настя! — вырвалось у меня с такой болью, что даже колени подкосились, а в затылке закололо чем-то острым. — Они уже решили предъявить мне обвинение.

Она резко вдохнула, глаза расширились от ужаса:

— К-как?.. — прошептала едва слышно. — Так быстро? У них совсем крыша поехала? Что творится? Значит, ты виновен?

— Нет, но ситуация далека от хорошей. Их уверенность — сто процентов. Вряд ли она основана на доказательствах — это просто невозможно. Выходит, есть силы, которые говорят: «Действуйте, и будет вам счастье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.